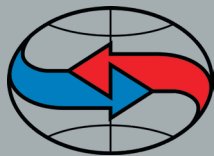

ISSN 2311-6412

Институт стран СНГ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

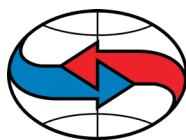
№ 2(30)

Москва

2021

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК № 1(29), 2021

Институт стран СНГ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

№ 2 (30)

Москва

2021

Председатель Совета учредителей – К.Ф. Затулин

Издатель – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)

Редакционная коллегия:

В.Г. Егоров – главный редактор, доктор экономических наук,
доктор исторических наук, профессор.

С.Я. Лавренов – шеф-редактор, доктор политических наук, профессор.

О.В. Савина – редактор. **Т.С. Митрофаненко** – корректор.

Т.С. Каракозова – дизайн-верстка.

Журнал «Постсоветский материк» рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК) в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Редакционный совет:

А.В. Манойло – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

В.В. Штоль – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, главный редактор журнала «Обозреватель-Observer».

А.А. Маркаров – доктор политических наук, профессор Ереванского государственного университета.

М.В. Конотопов – доктор экономических наук, профессор, зам. заведующего кафедры экономической теории ИЭ РАН, заслуженный деятель науки РФ.

О.Д. Кузнецова – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

С.А. Байбаков – доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

М.А. Олимов – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета.

Г. Майтдинова – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) Университета.

М.А. Рахимов – доктор исторических наук, профессор Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан.

А.В. Абрамов – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, главный редактор журнала «Вестник МГОУ».

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция оставляет за собой право отбора статей для публикаций.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения редакции.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ	4
В. О. КРОТКОВ. СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСПОРТНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ	4
В. В. ЕВСЕЕВ. ОДКБ И БЕЗОПАСНОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	13
А. В. ГРОЗИН. ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ АЗИИ: ПОДХОДЫ, ИНСТИТУТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	25
Д. Д. ВЫШЕГОРОДЦЕВ. ПОЛИТИКА ФРГ ПО ОТНОШЕНИЮ К УКРАИНЕ В 2010-Х: АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ВОЕННОЙ СФЕР И РАБОТЫ НГО И НКО	49
И. С. ИВЛЕВ, Д. В. ПОКСЕВАТКИНА. К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИЯХ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОПЫТ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК В СТОЛИЧНОМ РЕГИОНЕ	75
ЭКОНОМИКА	88
Ю. М. БАЖЕНОВ, И. А. ДОНЦОВА, А. О. АКимова. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЫГОДА СТРАН ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»	88
ИСТОРИЯ	97
В. А. АВИМСКИЙ. ИЗ ИСТОРИИ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.	97
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»	104
ИНФОРМАЦИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	107

Владимир КРОТКОВ

СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСПОРТНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация

Настоящая статья посвящена внешней экспансии Китая в различных областях. В частности, анализируется транспортная политика страны через призму возможностей и рисков, которые связаны с характером современных международных отношений. В итоге сделан вывод о том, что Китайская Народная Республика (КНР) претендует на статус супердержавы, что не может не вызывать ответной реакции со стороны действующего гегемона и его союзников. В качестве прогноза акцентируется внимание на том, что в среднесрочной перспективе Китаю удастся расширить своё влияние во многих регионах мира, но это доминирование не будет носить тотальный характер в силу противоречивости современных международных отношений.

Современные международные отношения активно развиваются. Процессы глобализации заставляют основных акторов мировой политики предлагать и реализовывать на практике масштабные проекты в различных областях жизнедеятельности. От этого международ-

КРОТКОВ Владимир Олегович – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и геополитики транспорта Российского университета транспорта (МИИТ), профессор кафедры прикладной политологии Государственного академического университета гуманитарных наук. Адрес: Россия, 119049, г. Москва, Мароновский пер., д. 26. E-mail: vladimir.dussel@gmail.com

Ключевые слова: транспортная политика, транспортные коридоры, интеграция, трансрегионализация, глобализация, модернизация, Китай.

ные отношения становятся все более сложными и противоречивыми, конфликтогенными. Также не стоит забывать про стохастический фактор, который вносит серьёзный диссонанс в различные договорённости международного уровня, часто провоцируя основных субъектов на принятие жёстких мер реагирования или нейтрализации конкурентов. К примеру, достаточно эксплицитно можно говорить о проекте «Северный поток – 2», который реализуют главным образом Россия и Германия. В силу сложившихся международных противоречий (особенно в части роли гегемона) доста-

точно сложно спрогнозировать перспективы реализации не только этого стратегического проекта, но и политических отношений между Европейским союзом и Россией.

Целью данной статьи является главным образом анализ экспансионистской политики Китайской Народной Республики в контексте реализации собственных технологических, торгово-экономических и транспортных проектов. В качестве теоретико-методологической основы используется неореалистический подход к анализу современных международных отношений.

Детерминанты инфраструктурной экспансии КНР

Экономический рост КНР наблюдается уже достаточно продолжительный период времени. Экспортная направленность экономики страны в качестве устойчивого тренда начинает претерпевать метаморфозы, смещаясь в сторону большего удовлетворения внутреннего спроса на фоне растущего уровня жизни общества. В 2020 г. руководство КПК заявило, что массовая бедность населения преодолена. Данные факторы детерминируют принятие соответствующих политических решений истеблишментом Китая, которые направлены на экспансию торговых каналов за счёт государств и регионов, входящих в зону интересов и влияния. Так можно говорить об Азиатско-Тихоокеанском регионе или Центральной Азии. Торговые пути,

транспортные коридоры являются артериями для канализации международных капиталов, товаров и услуг, которые в конечном счёте являются драйверами роста экономики Поднебесной.

Глобальная задача Китая заключается в интенсификации товарооборота с ключевыми регионами мира посредством выстраивания более тесной коллаборации с важными партнёрами. В этом контексте политической элитой Китая был предложен мегапроект «Один пояс – один путь», который основан на Великом шёлковом пути. По сути это межконтинентальный и междивизиационный мост, с помощью которого Китай усилит своё не только торговое влияние, но и политическое, а также может снизить уровень напря-

жённости в государствах и регионах с нестабильной обстановкой. Как отмечается на сайте посольства КНР в России, «ускоренное осуществление инфраструктурной взаимосвязанности – один из ключевых и жизненно важных моментов совместного строительства «Пояса и пути» для Евразии. За прошедшие 5 с лишним лет в регионе достигнут заметный прогресс в строительстве коридоров и маршрутов экономического сотрудничества. Новый евразийский континентальный мост, коридоры Китай – Монголия – Россия, Китай – Центральная Азия – Западная Азия, Китай – полуостров Индокитай объединяют азиатское экономическое пространство с европейским, играют важную роль в создании и укреплении партнёрских отношений между разными странами в области инфраструктурной взаимосвязанности и создании крупного, высокоэффективного и бесперебойно действующего совместного рынка Азии и Европы» [7].

нентальный мост, коридоры Китай – Монголия – Россия, Китай – Центральная Азия – Западная Азия, Китай – полуостров Индокитай объединяют азиатское экономическое пространство с европейским, играют важную роль в создании и укреплении партнёрских отношений между разными странами в области инфраструктурной взаимосвязанности и создании крупного, высокоэффективного и бесперебойно действующего совместного рынка Азии и Европы» [7].

Стратегия технологического развития Китая

Помимо торгово-экономического направления развития страны, китайская элита также ставит амбициозные задачи, связанные с мировым лидерством в технологической сфере. В этой связи была разработана долгосрочная стратегия промышленного и научно-технического развития, имеющая три этапа развития.

В рамках первого этапа, который должен закончиться в 2025 г., Китай должен стать технологически независимым, в связи с чем планируется реализовать десять ведущих проектов, которые позволят совершить технологический рывок. Поставлена задача «повысить в среднем до 70% долю национальных производителей в удовлетворении внутреннего спроса на высокотехнологические товары и новые материалы» [3].

В рамках второго этапа (2025–2035 гг.) страна должна в эпоху чет-

вёртой промышленной революции достичь высочайшего уровня развития в области науки и кардинально модернизировать свой промышленный потенциал, параллельно существенным образом повысить производительность труда, имея гигантский внутренний рынок труда.

На третьем же этапе развития и к символической дате – собственному столетию страна, по сути, должна выйти на такую траекторию развития, которой уже достигли США в области науки, технологий, промышленности, торговли.

Уже сейчас можно констатировать, что китайский путь инновационного развития опирается на собственный кадровый потенциал, использует западные технологии и основывается на широком государственном финансировании ключевых отраслей и проектов. Аккумуляция ресурсов приводит к тому, что уже в наше время стра-

на является одним из передовых локомотивов в области интернет-услуг, железнодорожного транспорта, телекоммуникационного оборудования. Финансирование НИОКР, в том числе в формате государ-

ственно-частного партнёрства, является важным условием для инновационной экономики Китая, которая по этому показателю уже обогнала такие ведущие государства, как Германия и Япония.

Основные направления транспортной политики Китая

Конечно, такое развитие восточной великой державы не может не беспокоить международного гегемона – США, которые совершенно не случайно именуют Китай как главного конкурента и даже врага. В настоящее время наблюдается масштабная по сути холодная война, которая развивается как в политической, так и в экономической, торговой, энергетической и других сферах. Несмотря на это, Китай уверенно и достаточно миролюбиво осуществляет экспансию, выстраивая её в рамках процесса регионализации, который амбивалентен глобализации. Одной из важных сфер, которая является драйвером социально-экономического развития, является транспортная политика КНР. Как справедливо отмечает А. М. Новожилов, «интеграция транспортных систем является важнейшей составляющей процессов международной интеграции в целом. Именно транспорт как важнейшая отрасль, обеспечивающая и развивающая инфраструктуру общества в целом, обеспечивающая процесс социально-экономического развития, реализацию целого комплекса интересов, является одним из направлений процесса меж-

дународной экономической интеграции» [6, С. 133].

В этом смысле мегапроект «Один пояс – один путь» направлен не только на внешние рынки, внешнеполитическое и торгово-экономическое сотрудничество, но и на решение собственных инфраструктурных проблем. Многие провинции КНР находятся на достаточно низком уровне развития на фоне развитых свободных экономических зон. Также делается расчёт на то, что за счёт транспортных коридоров удастся преодолеть дисбаланс по оси город – деревня. Процесс урбанизации развивается очень активно, но всё равно многие регионы страны ещё очень архаичны.

Рассматриваемый транспортный проект носит глобальный характер, так как не затрагивает лишь американский континент. В рамках этого плана ставится цель создать такую модель партнёрства, в рамках которой будут реализовываться следующие принципы:

- человеческая кооперация;
- финансовое сотрудничество;
- безбарьерная торговля;
- политическая коммуникация;
- инфраструктурное развитие.

Масштаб проекта можно оценить, исходя из следующих красноречивых цифр: в программу развития транспортной инфраструктуры помимо Китая входят 70 стран мира, в которых проживает большая часть человечества (более 60%). Инвестиционная политика призвана существенным образом финансово простимулировать строительство и модернизацию железных и автомобильных дорог, портов, нефтепроводов, электростанций и т. д. Для зоны Индийского океана предложена китайская морская стратегия «Нить жемчуга», которая направлена на строительство крупных портовых хабов, контейнерных

складов, заправочных пунктов и т. д. И эта стратегия уже реализуется. В частности, у Шри-Ланки взят в аренду на 99 лет стратегический глубоководный портовый узел. В данном контексте исследователи В. Г. Егоров и О. Ю. Бухаренкова дают прогноз, заключая, что китайский проект «Один пояс – один путь» «охватил как сухопутный, так и водный трафик от Тихого и Индийского океанов до арктических транспортных коммуникаций. Нет сомнения, что при таких темпах трансформации «Новый Шёлковый путь» распространится на все мировые транспортные коммуникации» [4, С. 61].

Вызовы и проблемы современных международных отношений

Для объективного оценивания китайских планов регионального и глобального развития следует отметить те проблемы, которые уже проявились и, видимо, будут иметь место быть. В частности, США, как основной конкурент Китая, в той или иной форме пытаются блокировать доступ к полупроводниковым технологиям (основе цифровой экономики) китайских контрагентов, разрывают цепочки поставок оборудования, оказывают прямое политическое и идеологическое влияние. С другой стороны, менее развитые страны, входящие в орбиту влияния Китая, показывают низкую договороспособность. Можно отметить тот факт, что такие государства, как Кыргызстан, Замбия,

Пакистан, превратились в должников КНР. В некоторых странах реализация анализируемого транспортно-инфраструктурного проекта была приостановлена (Пакистан, Малайзия, Мьянма, Непал, Танзания и др.). Объективности ради следует отметить, что соседняя Индия, как и США, критикует китайское руководство и не поддерживает его различные трансрегиональные проекты. В частности, Б. М. Волхонский акцентирует внимание на том, что любое присутствие Китая в Евразии рассматривается индийским руководством как вызов [1]. Необходимо отметить позицию О. С. Гайдаева, который в том же ключе пишет, что «в Индии опасения, связанные с растущими амбициями

Китая в регионе, воспринимаются острее и связываются с серьёзной угрозой национальной безопасности. Как полагают некоторые эксперты, подобная асимметрия имеет историческое обоснование и связана с болезненным поражением, нанесённым индийской армии Китаем в ходе пограничного конфликта 1962 г.» [2, С. 133, 134].

Несмотря на исторические и актуальные политические, экономические, торговые, транспортные и иные факторы и противоречия, Китай делает всё, чтобы защититься и продолжить реализовывать собственные инициативы. В частности, им принята доктрина «двойной циркуляции» (*dual circulation*), подразумевающая отстаивание собственных национальных интересов как внутри страны, так и за ее пределами в условиях растущей неопределённости, а также политической и экономической борьбы за мировое господство. При этом китайская политическая элита весьма лояльно относится к иностранным инвестициям, оставляя собственный рынок достаточно открытым. Также делается всё, чтобы локализовать свой производственный потенциал, с учётом того что стоимость собственной рабочей силы уже выше, чем в сопредельных странах Юго-Восточной Азии. Стратегия цифровизации для Китая не только связана с телекоммуникационной сферой, но и достаточно перспективно коррелирует с транспортной политикой в рамках инициативы «Пояс и путь». Они хотят смоделировать и практически реа-

лизовать цифровой Шёлковый путь, делая акцент на спутниковых и мобильных технологиях, «умных городах», центрах обработки данных. В целом телекоммуникационная экспансия Китайской Народной Республики видится вполне реалистичной, особенно если говорить о тех государствах, регионах и рынках, которые желают или вынуждены ориентироваться на неё. Мега-концерн *ZTE* уже функционирует в 50 государствах мира. В анализируемом плане мировая конкурентная среда между основными акторами – КНР и США – только набирает обороты и будет давать о себе знать в виде различных противостояний, торговых войн, санкций, что, вероятно, приведёт не к безоговорочной победе одной стороны над другой (игра с нулевой суммой), а к очередному переделу глобального рынка, особенно в развивающихся странах. У Китая уже чётко складываются свои зоны доминирования в рамках политики «нового регионализма» (приоритет экономического сотрудничества над политическим) – Азиатско-Тихоокеанский регион, Центральная Азия, а также Африка. Помимо этого, КНР поддерживает дружеские отношения с Россией, что выражается прежде всего в политической сфере, солидарных действиях в рамках Совета Безопасности ООН, а также в торгово-экономических связях. Как подчёркивает К. Ф. Затулин, «в 2018 году товарооборот между Россией и Китаем перешагнул рубеж в 100 млрд долл., достигнув 108,3 млрд. Экспорт из России в Китай

составил около 43 млрд долл.» [5, С. 11].

Подытоживая, необходимо сказать следующее: Китай, безусловно, является великой державой и имплицитно претендует на роль супердержавы, что выражается в масштабе его экспансионистской политики, которая явно выражена в таких сферах, как торговля, технологии, экономика и транспорт. Китайская транспортная политика по своим планам и ресурсам не может считаться национальной или региональной, так как затрагивает практически все континенты мира. Конечно, такой масштаб мегапроектов сталкивается с прямым противодействием со стороны мирового гегемона – США – и его сателли-

тов, что детерминирует эскалацию противостояния. В целом можно утверждать, что, с одной стороны, возможностей и ресурсов у КНР хватит для того, чтобы доминировать во многих регионах мира, в том числе с помощью транспортной инфраструктуры, включая в свою орбиту всё новые районы и государства, с другой – анализируемая внешняя политика не может не носить противоречивый и не всегда эффективный характер (достижение поставленных целей), так как влияние иных мировых и региональных акторов достаточно велико, а также в силу стохастического фактора, который в современных международных отношениях достаточно высок.

Список литературы

1. Волхонский Б. М. О возможностях участия Индии в интеграционных процессах в Евразии // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 6 (39).
2. Гайдаев О. С. Китайско-индийское соперничество в Евразии: возможности и риски для России // *Caucasian Science Bridge*. 2018. Т. 1. № 1.
3. Грибова Н. В. Китай в технологическом противостоянии с США // URL: <https://riss.ru/article/16006/> (дата обращения: 11.03.2021).
4. Егоров В. Г., Бухаренкова О. Ю. Мировая транспортная система в геополитическом измерении // *Обозреватель-Observer*. 2020. № 2.
5. Затулин К. Ф. Россия и мир: риски и перспективы. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2019.
6. Новожилов А. М. Транспортная политика Евразийского экономического союза и единое транспортное пространство // Путеводитель предпринимателя. 2020. Т. 13. № 3.
7. Обзор: страны-участницы «Пояса и пути» в Евразии вышли на путь высококачественного развития сотрудничества // URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/yidaiyilu/t1659865.htm> (дата обращения: 04.03.2021).

KROTKOV Vladimir O. – Doctor of Political Science, Professor of the International Relations and the Geopolitics of Transport Department of the Russian University of Transport (MIIT), Professor of the Applied Political Science Department of the State Academic University of Humanities.

Address: 26 Maronovsky per., Moscow, 119049, Russia.

E-mail: vladimir.dussel@gmail.com

Keywords: *transport policy, transport corridors, integration, transregionalization, globalization, modernization, China.*

CHINA'S MODERN TRANSPORT POLICY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Abstract

This article is devoted to China's foreign expansion in various fields. In particular, the author analyzes the country's transport policy through the prism of opportunities and risks associated with the nature of modern international relations. As a result, it is concluded that the People's Republic of China (PRC) claims the status of a superpower, which cannot but cause a response from the current hegemon and its allies. As a forecast, attention is focused on the fact that in the medium term, China will be able to expand its influence in many regions of the world, but this dominance will not be total due to the inconsistency of modern international relations.

References

1. *Volkhonsky B. M. On the possibilities of India's participation in integration processes in Eurasia // Problems of National Strategy. 2016. № 6 (39).*
2. *Gaidaev O. S. Sino-Indian rivalry in Eurasia: opportunities and risks for Russia // Caucasian Science Bridge. 2018. Vol. 1. No. 1.*
3. *Gribova N. V. China in technological confrontation with the USA // URL: <https://riss.ru/article/16006/> (accessed: 11.03.2021).*

4. Egorov V. G., Bukharekova O. Yu. *The world transport system in the geopolitical dimension* // *Obozrevatel-Observers*. 2020. No. 2.
5. Zatulín K. F. *Russia and the world: risks and prospects*. Sp B.: SpBGUP Publishing, 2019.
6. Novozhilov A. M. *Transport Policy of the Eurasian Economic Union and the Unified transport space* // *Guidebook of the entrepreneur*. 2020. Vol. 13. No. 3.
7. *Overview: The countries participating in the "Belt and Road" in Eurasia have taken the path of high-quality development of cooperation* // URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztd/yidaiyilu/t1659865.htm> (accessed: 04.03.2021).

Владимир ЕВСЕЕВ

ОДКБ И БЕЗОПАСНОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация

Наиболее важным достижением ОДКБ в 2020 г. стало преодоление возможного кризиса, обусловленного второй войной в Нагорном Карабахе, и недопущение усиления влияния на Южном Кавказе военно-политического блока НАТО. Также автор рассматривает актуальные проблемы ОДКБ, которые сдерживают её развитие и препятствуют упрочению военно-политических позиций России на постсоветском пространстве. Предлагаются решения, способные укрепить её международный авторитет.

Новая война в Нагорном Карабахе стала серьёзным вызовом для Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) ввиду явной поддержки Белоруссией и Казахстаном не Республики Армения (РА) как государства – члена ОДКБ, а Азербайджана. Этому предше-

ствовали такие недружественные действия правительства РА Н. Пашиняна, как арест в июле 2018 г. генерального секретаря ОДКБ генерал-полковника Ю. Хачатурова (был освобождён под подписку о невыезде после выплаты залога в размере 10 тыс. долл.) [1]. В ноябре

ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич – кандидат технических наук, заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ. Адрес: Россия, 119180, г. Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3. *E-mail:* bladimir111@yandex.ru

Ключевые слова: ОДКБ, военно-политическое влияние, безопасность, НАТО, армяно-азербайджанские отношения, Нагорный Карабах, Азербайджан, Армения.

2019 г. его полномочия в ОДКБ были прекращены досрочно. Как следствие генеральным секретарём этой организации с 1 января 2020 г. стал представитель белорусской стороны генерал-лейтенант С. Зась.

Прозападное окружение Н. Пашиняна высказывалось за существенное ограничение военно-политического взаимодействия с Москвой вплоть до вывода из республики 102-й российской военной базы, расположенной в Гюмри, и прекращения членства Республики Армения в ОДКБ. Этого удалось избежать, но уровень взаимодействия наших стран в указанной сфере существенно ослаб, что крайне негативно повлияло на действия армянских войск во время второй войны в Нагорном Карабахе.

В ходе этой войны Белоруссия продолжала через Турцию поставлять Азербайджану ракеты для реактивной системы залпового огня (РСЗО) В-200 «Полонез», которые использовались против мирных жителей Степанакерта [2]. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что ранее вооружённые силы (ВС) Азербайджанской Республики получили крупные партии современных российских вооружений (авиации, бронетехники, ствольной и реактивной артиллерии, систем противовоздушной обороны). Некоторые из этих вооружений также использовались затем азербайджанской стороной против армянских населённых пунктов (в частности, тяжёлые огнемётные системы ТОС-1А «Солнцепёк»).

Россия оказалась в крайне сложной ситуации, когда зона боевых действий расширилась на территорию Республики Армения. По своим техническим характеристикам российская наземная система противовоздушной обороны (ПВО) не могла обеспечить эффективное прикрытие даже Еревана. А армянские экипажи российских многоцелевых истребителей Су-30 не имели необходимого уровня лётной подготовки для ведения боевых действий.

В ходе второй войны в Нагорном Карабахе Ереван фактически уклонился от масштабного усиления там своей военной группировки, приведя Нагорно-Карабахскую Республику (НКР) на грань военной катастрофы. Только ввод российских миротворцев предотвратил окружение в Нагорном Карабахе 25-тысячной группировки армянских войск и геноцид в отношении местного населения со стороны ВС Азербайджанской Республики [3].

США и Франция как сопредседатели Минской группы ОБСЕ рассчитывали на то, что потеря Нагорного Карабаха сделает курс Армении исключительно прозападным, чрезвычайно ослабит позиции как России на Южном Кавказе, так и ОДКБ в целом. Поэтому Вашингтон и Париж вопреки своим международным обязательствам заняли выжидательную позицию [4]. Участвуя в войне на стороне Азербайджана, страна НАТО Турция рассчитывала как минимум на создание в Нагорном

Карабахе собственной военной базы. России удалось заблокировать турецкие планы. Более того, НКР оказалась под большим влиянием Москвы, чем Еревана. А в Азербайджанской Республике Россия получила долговременное военное присутствие.

Сейчас созданы благоприятные условия для укрепления позиций России на Южном Кавказе. Это делает возможным ограничение в Азербайджанской Республике турецкого, а в Армении – западного военно-политического, но не экономического влияния.

Обострение армяно-азербайджанских отношений происходит на фоне политической нестабильности в Грузии, где формирующаяся администрация Байдена способна лишь смягчить противоречия между проамериканскими политическими силами: правящей коалицией «Грузинская мечта» и оппозиционной партией «Единое национальное движение».

В 2020 г. ОДКБ смогла преодолеть возможный кризис, обусловленный второй войной в Нагорном Карабахе, и не допустила усиления влияния на Южном Кавказе военно-политического блока НАТО. Это является наиболее важным достижением ОДКБ.

В то же время перед ОДКБ в регионе стоят серьёзные вызовы, среди которых можно отметить следующие:

- неопределённость статуса НКР на фоне проблем демаркации и делимитации армяно-азербайджанской границы будут подталки-

вать противоположные стороны к продолжению вооружённого конфликта;

- присутствие в Нагорном Карабахе порядка 1,2 тыс. вооружённых протурецких радикальных исламистов из Сирии и Ливии, которые могут быть использованы как против армянского населения НКР, так и, в перспективе, для свержения действующей в Баку светской власти в рамках военного переворота, особенно в случае серьёзного обострения азербайджано-турецких отношений на уровне правящих элит;

- попытки армянского руководства существенно укрепить военно-политическое взаимодействие с администрацией Байдена, Великобританией и НАТО в целом;

- стремление грузинской элиты создать в стране военные базы НАТО;

- активизация в Азербайджане и Грузии военно-политической и экономической деятельности Турции с целью удержания их в орбите своего влияния;

- высокий уровень армяно-азербайджанских, армяно-грузинских и других межнациональных и межрелигиозных противоречий;

- сложная внутривосточная ситуация в Абхазии ввиду тяжёлого состояния здоровья президента А. Бжанини, последствий пандемии коронавируса и имевшего место ранее силового отстранения от власти президента республики А. Анкваба;

- политическая нестабильность в Южной Осетии;

– значительные социально-экономические проблемы, которые не только существенно обостряют внутривнутриполитическую ситуацию, но и приводят к массовой трудовой миграции в Россию.

В 2020 г. Афганистан продолжал создавать наиболее серьёзные внешние угрозы для стран Центральной Азии (ЦА). Соглашение, подписанное в конце февраля между представителями администрации Трампа и радикального движения «Талибан»¹, не привело к миру в Исламской Республике Афганистан, хотя американцы сократили до 2,5 тыс. численности своих военнослужащих в этой стране и был проведён обмен пленными (5 тыс. представителей движения «Талибан» на 1 тыс. чел., удерживаемых талибами).

Как полагает известный российский эксперт по Афганистану О. Нессар, пока неясно, насколько администрация Байдена будет готова полностью вывести свои войска из Афганистана к лету 2021 г. [5]. Не имели существенных результатов и состоявшиеся в Дохе межафганские переговоры. В таких условиях ОДКБ должна быть по-прежнему готова к отражению внешней агрессии со стороны Афганистана на центральноазиатском направлении.

Уровень вмешательства внешнеполитических игроков в дела центральноазиатских государств достаточно высок. В то же время

американцы и их союзники имеют в этом регионе лишь ограниченные возможности по расширению своего влияния, поэтому администрация Байдена будет больше заинтересована в сохранении там своего политического и финансово-экономического присутствия, чем в реальном сдерживании России и Китая.

Серьёзным вызовом для ОДКБ в Центральной Азии остаётся политическая нестабильность. Наиболее остро это проявляется в Киргизии, где победа популиста С. Жапарова на состоявшихся в январе 2021 г. внеочередных президентских выборах не обеспечит республике стабильность и может привести к вооружённому противостоянию (скорее всего, на межклановой основе) уже в 2021 г.

Среди других вызовов для ОДКБ в этом регионе можно выделить:

- незавершённость транзита высшей власти в Казахстане, в среднесрочной перспективе – в Таджикистане и Туркмении, перманентно – в Киргизии;

- исламизация и радикализация местного населения (наиболее быстро эти процессы происходят в Киргизии) ввиду распространения идеологии религиозного экстремизма, терроризма и радикального национализма;

- чрезвычайно острые социально-экономические проблемы во всех государствах Центральной Азии, за исключением Казахста-

¹ Деятельность движения запрещена на территории Российской Федерации.

на, на фоне пандемии коронавируса, что в условиях нарастания численности местного населения приводит к массовой трудовой миграции в Россию узбеков, таджиков и киргизов;

- незавершённость процесса делимитации и демаркации межгосударственных границ;

- сохранение водно-энергетической проблемы ввиду несогласованности гидроэнергетического и ирригационного режимов водостоков трансграничных рек;

- острые межнациональные противоречия, особенно в Киргизии;

- серьёзные природные и техногенные экологические проблемы (например, связанные со снижением уровня Аральского моря).

На западном фланге ОДКБ ситуация в 2020 г. всё больше усугублялась нарастанием военной конфронтации с США и их союзниками по военно-политическому блоку НАТО (в первую очередь Польшей и Румынией). Это шло на фоне украинского кризиса, неурегулированности проблемы Приднестровья и обострения отношений Белоруссии с европейскими государствами.

В отношении украинского кризиса очевидно, что администрация Байдена не только продолжит поставки Украине летальных вооружений, но и может поддержать Киев по вопросу пересмотра (а фактически – прекращения действия) соглашений «Минск-2», что будет вызывать сопротивление со стороны Германии и Франции. Бо-

лее того, Дж. Байден собирается вернуть Украине контроль над Крымом и Донбассом, что, в принципе, означает только одно – обострение политического кризиса. США и Великобритания могут поставить Украине современные крылатые ракеты морского базирования, что, конечно, не приведёт к серьёзному укреплению её военно-морского потенциала, но создаст новый вызов для Черноморского флота России.

До сих пор неясна готовность администрации Байдена начать в Донбассе масштабную войну. Во-первых, это противоречит не только европейским, но и американским национальным интересам. Пойдя на резкое обострение отношений с Москвой, Вашингтон рискует получить слишком много проблем как на региональном, так и на глобальном уровне. Поэтому, расширяя вмешательство во внутренние дела России и других стран постсоветского пространства (прежде всего Украины, Белоруссии и Молдавии), Вашингтон, тем не менее, будет вынужден избирательно сотрудничать с Москвой по ограничению стратегических наступательных вооружений, обеспечению стратегической стабильности, урегулированию иранского и северокорейского ядерных кризисов, разрешению афганской проблемы. В целом при демократической администрации США следует ожидать умеренного давления на Москву, что в первую очередь будет проявляться на постсоветском пространстве.

Во-вторых, украинцы не имеют как серьёзной мотивации для войны в Донбассе, так и финансовых средств на её проведение. В то же время достаточно реален переход боёв на линии фронта в Донбассе от низкой к средней интенсивности.

Также следует учитывать, что при президенте В. Зеленском украинские власти полностью утратили субъектность и способность к самостоятельным действиям даже по частным, локальным проблемам. При нём не только стратегическое, но и оперативное управление стало осуществляться из посольства США на Украине.

Именно с согласия американской стороны заблокирована любая возможность возвращения в политическое пространство Украины представителей Донбасса, а следовательно, и выполнение политических пунктов соглашений «Минск-2». Становится всё более очевидным, что в обозримой перспективе на Украине не смогут на основе выборов прийти к власти достаточно лояльные к России политические силы. Как следствие у России пропадает заинтересованность в поддержании существования украинского государства в нынешней политической и географической конфигурации.

По мере фактического прекращения действия соглашений «Минск-2» будут усиливаться вызовы на крымском направлении. Помимо усиления там санкционного давления Запада следует ожидать расширения провокационных действий в Крыму вплоть до проведения терактов

с привлечением крымско-татарских радикальных активистов.

Не может не вызывать беспокойства военно-техническое сотрудничество Киева с Лондоном и Анкарой. Однако это вряд ли приведёт к производству на Украине современных вооружений. Более реально, что продолжится утечка в Великобританию и Турцию военных технологий, а при необходимости – и специалистов.

На белорусском направлении в 2021 г. следует ожидать расширения западного финансирования оппозиции и оказания на Минск серьёзного политического и финансово-экономического давления. Однако крайне сомнительно, что администрация Байдена пойдёт на силовое отстранение от власти президента А. Лукашенко. Вместо этого США могут ввести пакет дополнительных санкций против России за политику на постсоветском пространстве, в частности за поддержку белорусского режима.

Избрание президентом Молдавии прозападной М. Санду создаёт для ОДКБ новые вызовы, обусловленные её стремлением расширять сотрудничество с НАТО. Но в республике сохраняется парламентская форма правления. Причём самую большую фракцию в национальном парламенте пока имеет сторонник евразийской интеграции И. Додон, лидер Партии социалистов Республики Молдова.

Среди наиболее серьёзных вызовов для ОДКБ на западном направлении можно выделить:

– возможность крупномасштабной войны в Донбассе;

– создание военной инфраструктуры НАТО вблизи границ России (например, на территории Украины);

– попытки украинского руководства при поддержке американцев выйти из соглашений «Минск-2», что будет означать и прекращение действия и «нормандского формата»;

– попытки украинских спецслужб организовать террористические акты в Крыму;

– политическая нестабильность в Белоруссии;

– неурегулированность кризисов на востоке Украине и в Приднестровье;

– провокационные полёты разведывательной авиации США и их союзников вблизи российских границ и периодическое присутствие в Чёрном море американских боевых кораблей.

Как отметил в октябре 2020 г. генеральный секретарь ОДКБ С. Зась, «ОДКБ на сегодняшний день представляет собой состоявшуюся международную организацию. Решены три очень значимые задачи для существования организации, любой международной организации. Первое – создана нормативно-правовая база, необходимая для решения задач, которые стоят перед организацией. Второе – сформированы рабочие органы. Отработаны алгоритмы их работы, их функционирование. И третье – сформированы необходимые силы и средства, в том чис-

ле коллективные оборонительные силы» [6].

Тем не менее к настоящему времени в ОДКБ накопились проблемы, которые сдерживают её развитие и препятствуют укреплению военно-политических позиций России на постсоветском пространстве. Среди них можно выделить следующие.

Во-первых, территория ответственности ОДКБ остаётся фрагментированной, что определяется как сохранением межгосударственных противоречий внутри организации и влиянием внешнеполитических игроков, так и закреплением в национальном законодательстве ограничений по использованию воинского контингента за пределами страны (Белоруссия).

В реальности существуют лишь двусторонние региональные группировки на белорусском и армянском направлениях и совместные с ВС России группировки войск в Казахстане, Киргизии и Таджикистане. При этом необходимо учитывать периодически возникающие противоречия Казахстана с Киргизией и всё большее попадание Таджикистана не только под финансово-экономическое, но и под военно-политическое влияние Китая. Соответственно трудно предположить потенциал совместных действий в рамках региональной группировки центральноазиатских государств – членов ОДКБ, например, в отражении внешней агрессии радикальных исламистов из Афганистана. Одновременно в нынешней ситуации

практически исключается использование ВС Беларуси и Армении вне национальных границ.

Отсутствие единства внутри ОДКБ не могло компенсироваться созданием Коллективных сил быстрого развёртывания Центрально-Азиатского региона (КСБР ЦАР, 2001 г.), Коллективных сил оперативного развёртывания (КСОР, 2009 г.) или Коллективных миротворческих сил (2009 г.) [7]. Все они так и оказались невостребованными как во время силового противостояния между киргизами и узбеками (июнь 2010 г.) в Ошской области Киргизии, так и в период второй войны в Нагорном Карабахе.

Но даже в таких условиях целесообразно расширение состава участников ОДКБ, в первую очередь за счёт предоставления статуса партнёра организации или наблюдателя при ней Узбекистану, который имеет добрососедские отношения со всеми государствами – членами ОДКБ. Опыт работы в составе организации позволяет способствовать сближению с этой страной. По-видимому, статус наблюдателя при ОДКБ мог бы быть предоставлен Туркмении. Вовлечение Ташкента и Ашхабада в деятельность ОДКБ способствовало бы укреплению её международного авторитета и могло существенно повысить боевой потенциал региональной группировки в Центральной Азии.

Во-вторых, прикрываясь политикой многовекторности, Армения и Казахстан активно взаимодей-

ствуют в военно-политической сфере с США и блоком НАТО в целом. До августа 2020 г. Белоруссия пыталась выстраивать независимые от России отношения с ЕС, а Киргизия и Таджикистан охотно принимали военную помощь от США, ЕС и Китая. В ходе многочисленных воинских учений и тренировок отрабатывается оперативная совместимость армий Армении и Казахстана с военно-политическим блоком НАТО. Китай пытается обеспечить аналогичную совместимость с ВС Киргизии и Таджикистана. Как следствие Россия далеко не всегда находит поддержку при реализации политики сдерживания США, Запада в целом и Пекина, в первую очередь на территории Центральной Азии.

В-третьих, проводя политику экспорта-импорта вооружений и военной техники и организуя их совместное производство, Белоруссия и Казахстан избегают заблаговременного согласования своих действий в рамках ОДКБ, что затрагивает национальные интересы России.

В то же время порой закупки военной техники Казахстаном в третьих странах были обусловлены проблемами российских оборонных предприятий. Последние потерпели значительный урон от прекращения сотрудничества с Украиной, в частности, по беспилотным летательным аппаратам (БПЛА), а также при создании альтернативы советским военно-транспортным самолетам

Ан-26 и Ан-12. Казахстан нашёл замену российским поставкам. Реализуется контракт по четырём (по китайским источникам – восьми) военно-транспортным самолётам *Shaanxi Y-8F* (лицензионный аналог самолёта Ан-12) и четырём ударным БПЛА *Wing Loong*. Из Испании РК импортировала восемь транспортных самолётов CASAC-295 для замены самолётов Ан-26.

В-четвёртых, наблюдается некоторое дублирование функций ОДКБ с другими региональными организациями, действующими на территории постсоветского пространства, в частности с Содружеством Независимых Государств и Шанхайской организацией сотрудничества. Так, продолжает работать Совет министров обороны (СМО) государств – участников СНГ, в состав которого в дополнение к государствам – членам ОДКБ входят Азербайджан и Узбекистан. Секретариат СМО проводит информационно-аналитическую, консультативную и организационно-техническую работу, а также выполняет отдельные контрольные функции. С 1 января 2006 г. ему переданы функции Штаба по координации военного сотрудничества.

Одним из приоритетных направлений деятельности СМО СНГ является поэтапное развитие Объединённой системы ПВО [8]. Аналогичная деятельность выполняется и в рамках ОДКБ. Уже действуют российско-белорусская, российско-армянская и россий-

ско-казахстанская системы ПВО. Обсуждается вопрос о создании Россией совместной системы ПВО с Киргизией и Таджикистаном.

С 2000 г. под руководством Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств – участников СНГ в Москве функционирует Анти-террористический центр. А в июне 2002 г. для координации действий правоохранительных органов и специальных служб государств – членов ШОС в её рамках была создана Региональная антитеррористическая структура (РАТС). Сфера деятельности РАТС ШОС первоначально ограничивалась исключительно рамками Центральной Азии как отдельного региона. Позднее Шанхайская организация сотрудничества под термином «регион» стала понимать всю область своего влияния, которая вышла за пределы центральноазиатских государств. В мае 2003 г. в качестве места дислокации штаб-квартиры РАТС ШОС был выбран г. Ташкент. Частично функции указанных структур совпадают с Центром кризисного реагирования ОДКБ.

В-пятых, Коллективные силы быстрого развёртывания Центрально-Азиатского региона были созданы для проведения войсковых операций относительно небольшого масштаба или специальных операций против бандформирований. В настоящее время эти функции возложены на Коллективные силы оперативного развёртывания ОДКБ.

В-шестых, отсутствие ратификации Соглашения о миротворческой деятельности ОДКБ со стороны Киргизии и Таджикистана и недостаточный уровень консолидации внутри ОДКБ крайне затрудняют саму возможность за-

действия на постсоветском пространстве Коллективных миротворческих сил, что проявилось во время второй войны в Нагорном Карабахе. Более перспективно их использование в миротворческих операциях ООН.

Список литературы

1. Суд в Ереване освободил генсека ОДКБ после выплаты залога // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5410852> (дата обращения: 16.02.2021).
2. Армения раскритиковала Александра Лукашенко за поставку Азербайджану РСЗО «Полонез» // URL: <https://newizv.ru/news/world/04-10-2020/armeniya-raskritikovala-aleksandra-lukashenko-za-postavku-azerbaydzhanu-rszo-polonez> (дата обращения: 16.02.2021).
3. Российские войска вводятся в Карабах на пять лет // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/11/10/846461-rossiiskie-voiska>, (дата обращения: 16.02.2021).
4. Евсеев В. Трагический исход // URL: <https://iz.ru/1085854/vladimir-evseev/tragicheskii-iskhod> (дата обращения: 18.02.2021).
5. Нессар О. Афганские шахматы: партия отложена до инаугурации // URL: <https://afghanistan.ru/doc/140417.html> (дата обращения: 16.02.2021).
6. «Укрепление мира и международной безопасности»: Генсек ОДКБ – о целях и методах работы организации // URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/generalnyy-sekretar-odkb-stanislav-zas-dal-intervyu-telekanalu-rt-my-otdayem-prioritet-politicheskim/ (дата обращения: 17.02.2021).
7. Евсеев В. В. Центральная Азия: внутренние и внешние угрозы: 1991–2011 / Российская академия наук. М.: Наука, 2012. С. 273–281.
8. Объединённая система ПВО СНГ отмечает 25-летие с момента образования. Сайт Минобороны России // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12275270@egNews (дата обращения: 17.02.2021).

EVSEEV Vladimir V. – *candidate of Technical Sciences, Head of Eurasian Integration and Development of the SCO Department of Institute of CIS Countries.*

Address: 7/10 B. Polyanka str., p. 3, Moscow, 119180, Russian Federation.

E-mail: bladimir111@yandex.ru

Keywords: *CSTO, military-political influence, security, NATO, Armenian-Azerbaijani relations, Nagorno-Karabakh, Azerbaijan, Armenia.*

CSTO AND SECURITY IN THE POST-SOVIET SPACE

Annotation

The most important achievement of the CSTO in 2020 was overcoming the possible crisis caused by the second war in Nagorno-Karabakh, and preventing the strengthening of the influence of the military-political bloc of NATO in the South Caucasus. The author also examines the current problems of the Treaty Organization, which hinder its development and prevent the strengthening of Russia's military and political positions in the post-Soviet space. Solutions are proposed that can strengthen its international credibility.

References

1. *A court in Yerevan freed the CSTO Secretary General, after payment of Deposit // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5410852> (date accessed: 16.02.2021).*
2. *Armenia criticized Alexander Lukashenko for the supply of Azerbaijan Polonaise MLRS // URL: <https://newizv.ru/news/world/04-10-2020/armeniya-raskritikovala-aleksandra-lukashenko-za-postavku-azerbaydhanu-rszo-polonez> (date accessed: 16.02.2021).*

3. *Russian troops entered Karabakh for five years* // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/11/10/846461-rossiiskie-voiska> (date accessed: 16.02.2021).
4. *Evseev V. Tragic outcome* // URL: <https://iz.ru/1085854/vladimir-evseev/tragicheskii-iskhod> (accessed: 18.02.2021).
5. *Nessar O. Afghan chess: the game is postponed until the inauguration* // URL: <https://afghanistan.ru/doc/140417.html> (accessed 16.02.2021).
6. “*Strengthening of peace and international security*”: *CSTO Secretary General – on the goals and methods of the organization’s work* // URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/generalnyy-sekretar-odkb-stanislav-zas-dal-intervyu-telekanalu-rt-my-otdayem-prioritet-politicheskim/ (accessed 17.02.2021).
7. *Evseev V. V. Central Asia: Internal and external threats: 1991–2011 / Russian Academy of Sciences. M.: Nauka, 2012. Pp. 273–281.*
8. *The United Air Defense System of the CIS marks the 25th anniversary of its formation. Website of the Ministry of Defense of Russia* // URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12275270@egNews (accessed: 17.02.2021).

Андрей ГРОЗИН

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ АЗИИ: ПОДХОДЫ, ИНСТИТУТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

В статье анализируются история, актуальное состояние и основные направления и перспективы развития влияния Турецкой Республики в республиках Центральной Азии. Оценивается влияние различных институтов, созданных в разные годы Анкарой для расширения и углубления партнёрства со странами региона. Рассматриваются основные элементы турецкой «мягкой силы» в Центральной Азии. Продолжающиеся глобальные экономические и геополитические трансформации создают широкое поле для различных вариантов развития турецкой политики в Центрально-Азиатском регионе.

Этапы реализации политики Анкары в регионе

Четыре из пяти государств постсоветской Центральной Азии (ЦА), образовавшиеся после распада

СССР, являются странами с подавляющим большинством тюркоязычного населения. Получив суве-

ГРОЗИН Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 141410, Московская обл., г. Химки, пр. Мельникова, д. 2/1. *SPIN*-код: 5621-8571. *E-mail*: andgrozin@yandex.ru

Ключевые слова: Турция, Анкара, Эрдоган, Центральная Азия, Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан, Туркмения, неоосманизм, пантюркизм, «мягкая сила», Россия.

ренитет, новые государства начали процесс интеграции в мировое сообщество, и Турция одной из первых признала независимость постсоветских республик Азии (16 декабря 1991 г. Анкара признала независимость всех пяти постсоветских государств региона) и Кавказа. После распада Советского Союза у Турции впервые в истории появилась теоретическая возможность включить в свою зону влияния бывшие советские республики Азии. Ещё в начале 90-х годов XX века экс-премьер-министр Турции С. Демирель говорил, что у его страны появилась уникальная перспектива «определять политическое будущее мусульманских республик СНГ». Начался этап активного сотрудничества Турции с государствами ЦА по различным направлениям.

При этом претензия на роль «куратора» региона обосновывалась лишь «родством»: особенная заинтересованность объяснялась Анкарой тем, что страны ЦА являются близкородственными ей по историческому, этническому, лингвистическому и культурному основаниям. Притом что Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Туркменистан к Османской империи никакого отношения в историческом плане не имели: эти территории никогда не входили в её состав. Напротив, Орда и империя Османов были государствами-конкурентами и по большей части находились в состоянии взаимной вражды.

Полнее и чётче заинтересованность Турции в ЦА формулировалась МИДом Турции: «Центральная

Азия является стратегически важным регионом для обеспечения безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом регионе. Его энергетические ресурсы жизненно необходимы для глобальной энергетической безопасности, и Центральная Азия является важным хабом (узлом) как для газо- и нефтепроводов, так и для торговых коридоров» [1]. В Турции данная политика выражается в концепции «энергетического терминала и коридора» (*Enerji Terminali ve Koridoru*) – одного из энергетических хабов по транспортировке мировых энергоресурсов из Евразии в Турцию и Европу. Как отмечал эксперт ИСАА МГУ П. Шлыков, «стержнем этой программы изначально была идея компенсации дефицита запасов энергоресурсов преимуществами геостратегического положения, позволяющего Анкаре претендовать на роль ключевого связующего звена между производителями энергоресурсов (Россией и прикаспийскими странами) и потребителями (прежде всего европейскими)» [2, С. 3].

Активная внешняя политика, проводимая президентом Тургутум Озалом, по сближению с республиками ЦА, Азербайджаном и тюркскими народами России, облегчалась тем, что многие интеллектуалы и политические активисты в среде постсоветских республик видели в ней альтернативу России, которая ассоциировалась у них с колониальным прошлым. Элиты привлекал образ тогдашней Турции как мусульманской страны, в которой государство сохраняет светский ха-

ракет и держит ислам под контролем, не допуская его радикализации. Для лидеров республик ЦА, напуганных ростом исламистских движений (особенно Узбекистана), турецкая политическая модель представляла собой приемлемую альтернативу как исламу, так и гегемонии Москвы. Лидеры тюркоязычных республик «стремились перехватить у национально-демократической оппозиции лозунги национал-патриотизма и тем самым обеспечить легитимность своим правящим режимам» [3].

Турция как крупное государство Ближнего Востока и крупнейшее тюркоязычное государство имело свои конкретные планы на новые «тюркские» государства региона. Прежде всего, они были связаны с идеей создания тюркского союза, который включал бы Турцию и остальные тюркоязычные государства ЦА под эгидой Турции. Данная цель открыто указывалась в качестве одного из приоритетов турецкой внешней стратегии [4, С. 137].

Реализация некоего «союза тюрков» на фоне распада СССР позволила бы Анкаре кардинально усилить свои позиции в международной экономике и политике. Любой формат объединения тюркских стран позволяет Турецкой Республике получить значительные преимущества над другими региональными центрами силы на Ближнем и Среднем Востоке.

Всем этим надеждам, однако, сбыться было не суждено, поскольку, как отмечал в середине 90-х годов XX века президент Казахстана

Н. Назарбаев [5: 216–217], новым государствам ЦА совсем не хотелось после ухода одного «старшего брата» получить себе другого. Как отмечал историк Российского государственного гуманитарного университета В. Мирзаханов, «пытаясь занять доминирующие позиции в Центральной Азии, она (Турция. – Прим. авт.) столкнулась с «парадом суверенитетов», при котором правящие элиты государств региона отвергали любую попытку нового идеологического доминирования» [6]. Поэтому и предложения по созданию специализированной структуры, координирующей взаимодействие тюркских государств, были полностью отвергнуты странами ЦА. Наступил период многолетнего застоя в отношениях между этими странами.

Турецкие амбиции столкнулись с реалиями постсоветских азиатских стран, и если первоначально Анкара ориентировалась на создание тюркского союза с «новой Азией», затем она поняла, что необходима более мягкая и системная работа по развитию тюркской интеграции, в том числе с участием тюркоязычных стран ЦА.

Пантюркизм как идеология, претендующая на определение судеб народов ЦА, в практическом плане играет скромную роль и в отношениях стран региона между собой, и в их отношениях с «франчайзером» этой идеологии – Турцией. Но эта доктрина родом из XIX в. может сказаться на будущем постсоветской Азии как преграда для реализации евразийских интеграцион-

ных проектов, для чего, собственно, пантюркизм и создавался в XIX в. при живейшем участии британской разведки.

Как отмечал британский исследователь У. Дейл, «с распадом СССР Анкара возлагала большие надежды на создание общетюркского союза. Эти ожидания были основаны главным образом на культурных связях и предположении, что возрождение российской власти маловероятно» [7].

Предложенный турками странам ЦА геополитический проект – организация некоего федеративного общетюркского содружества с центром в Анкаре – совершенно не вдохновил лидеров ставших независимыми среднеазиатских республик. Идея пантюркизма просто не могла получить ожидаемого сочувствия в тюркоязычных республиках региона, поскольку у элит молодых государств очень быстро появились свои амбиции и материальные интересы. Турция в качестве самоназначенного регионального лидера была никому из них не нужна. Сказалось и явное нежелание Анкары подводить под свой геополитический проект значимую ресурсную базу. Это нежелание платить за своё будущее лидерство оттолкнуло значительную часть центральноазиатских элит от турецких проектов.

Поняв, что «кавалерийским наскоком» дело не решить, идеи пантюркизма стали продвигать на территорию ЦА завуалированно, подводя под неё некоторые ресурсы и создавая институты продвиже-

ния. В результате Турция «с середины 1990-х годов использовала сложную комбинацию двустороннего взаимодействия, многосторонних институтов, экономических связей и мягкой силы по отношению к Центральной Азии». Тем не менее «опора на этнолингвистическую идентичность никогда полностью не исчезала из политики Турции в отношении Центральной Азии» [8].

Несмотря на неудачу первых попыток взять ЦА под контроль, и массовое сознание, и элиты в Турции продолжают воспринимать её как регион исторического турецкого влияния, входящий в понимание термина «историческая глубина» (исходящая из известных геополитических построений экс-министра иностранных дел Турции и экс-соратника президента Реджепа Тайипа Эрдогана Ахмета Давутоглу [9: 136]) и определяющий геополитическое пространство активности турецкой внешней политики наряду с такими регионами, как Балканы, Ближний Восток и Закавказье. Хотя Турция никогда в истории «физически» не присутствовала в ЦА, она как минимум более века считала её пространством своего потенциального влияния. В этом статусе данный регион пребывает и в настоящее время, хотя Турция и не имеет широких возможностей для активного участия в экономической и политической жизни ЦА.

Степень политического и экономического влияния Турции в разных странах ЦА традиционно неодинакова. Велико влияние Анкары в Туркмении, которая не только

первой по образцу Турции перешла на латинский алфавит, но и первой из стран региона установила с ней интенсивные гуманитарные и экономические связи. Максимальное экономическое влияние в регионе ЦА Турция имеет в Туркменистане: основными направлениями экспорта Туркменистана являются Китай, Афганистан и Турция, импорт же в основном осуществляется из Турции (около 1 млрд долл. за 2017 г.). Стоит также отметить, что Туркменистан является одним из крупнейших покупателей турецкого вооружения. Турецкие подрядчики реализовали в Туркмении 1010 проектов общей стоимостью 47,7 млрд долл. Пиковым для двусторонней торговли стал 2014 г., когда объем торговли между двумя странами составил 2,9 млрд долл., но по итогам 2019 г. он составил 944 млн долл. [10].

Кроме того, Ашхабад заинтересован в диверсификации своего газового экспорта для уменьшения односторонней зависимости от Китая. Альтернативой всегда считалась Европа, а Турция при этом может послужить транзитным центром.

Тесные деловые связи у Турции сложились с Казахстаном и Киргизией. В начале 2021 г. в Анкаре побывал глава казахстанского МИДа М. Тлеуберди. Он встретился с турецкими инвесторами и пообещал им всестороннюю поддержку в республике. После в МИД Казахстана сообщили, что объем турецкого инвестирования в ближайшие 3–5 лет составит около 1 млрд долл. Также стороны договорились довести това-

рооборот до 10 млрд долл. Сейчас он составляет около 3 млрд долл. [11].

Ряд казахстанских экспертов уверен в том, что в республике постепенно нарастает влияние Турции, зримым выражением которого стал перевод казахского языка с кириллической на латинскую графику. Впрочем, процесс ещё далёк от завершения, и, как отмечал казахстанский политолог М. Казначеев, «идея перехода на латинскую графику принадлежит Елбасы Нурсултану Назарбаеву и части его ближайшего окружения, замкнутых на Турцию и США. Сейчас происходят кадровые перестановки и некоторых идеологов из Акорды уже убрали. Нынешний президент не является столь однозначным сторонником этой идеи. Судя по его действиям, он очень сильно не спешит в языковом вопросе. Вплоть до того, что базовые сроки перехода на латинскую графику могут постепенно по техническим причинам сдвигать вправо. Потом ещё правее, и ещё» [12].

Турецко-узбекские отношения испортились ещё в начале 1990-х годов. Узбекистан как крупнейшее по численности государство региона традиционно претендовал на лидерство в ЦА, поэтому его включение в региональные организации, в которых он не является «интегрирующим центром», всегда было достаточно проблематичным. С тех пор Ташкент вышел из организаций, патронируемых Анкарой, и участия в их деятельности не принимал до смены власти в Узбекистане. Узбекская элита много лет настороженно

относилась к любым инициативам и проектам Турции по интеграции тюркских народов, что вызывало беспокойство Ташкента по поводу сохранения суверенитета и светско-

го характера государства. Со смелой властью в Узбекистане отношения Ташкента и Анкары существенно улучшились и поступательно развиваются в последние три года.

Турецкие институты неоосманской политики

В начале 90-х гг. XX в. тогдашний премьер-министр Турции С. Демирель говорил, что у его страны появилась уникальная перспектива «определять политическое будущее мусульманских республик СНГ» [13]. Для реализации этой цели при МИД Турции было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТИКА), цель которого заключается в развитии отношений с тюркоязычными странами бывшего Советского Союза. Бывший глава ТИКА А. Чей, в свою очередь, заявлял: *«Турецкая Республика – преемница великой Османской империи, она должна создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном даже ценой резкой конфронтации с Россией»* [10].

Впрочем, подобные резкие заявления были скорее исключением: Анкара в то время старалась без необходимости не раздражать Москву.

После неудачи попыток реализовать свои геополитические проекты без какой-то серьезной предварительной подготовки Турция перешла к более продуманной политике создания институтов продвижения «турецкого проекта» и интенсификации экономического сотрудниче-

ства со странами ЦА. Для реализации внешнеполитических целей Турцией помимо ТИКА был создан ряд других международных организаций: Международная организация по совместному развитию тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТЮРКПА), Совет президентов, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин тюркоязычных государств, Всемирная ассамблея тюркских народов, Фонд писателей и деятелей искусства тюркского мира (ТЮРКСАВ), Международная ассоциация инженеров и архитекторов тюркского мира и т. д. Союз инженеров и архитекторов тюркского мира призван осуществлять обсуждение и консультации в рамках тюркоязычных государств и обществ архитектуры и градостроительства, имеющих отношение к общетюркской культуре, придерживаясь девиза «Единство в языке, мыслях и делах» [14].

Довольно успешным оказался проект создания научного центра в целях исследования тюркского мира – Международной тюркской академии (расположена в Нур-Султане). Она организывает и содействует научным исследованиям по

истории тюркского мира, изучению языка и тюркской литературы, культуры и т. д. При академии создана Тюркская библиотека, которая хранит более 32 тыс. печатных изданий, редкий фонд книг, копии рукописей.

К организациям, созданным под эгидой Турции, относится и Союз муниципалитетов тюркского мира (СМТМ), который был создан в Анкаре в 2003 г. В него входят более 1100 членов муниципалитетов из 26 стран (Турция, Казахстан, Киргизия, Азербайджан, Албания, Босния и Герцеговина, Болгария и др.). Целью СМТМ заявлено сотрудничество и обмен опытом и знаниями в сфере местного самоуправления.

Ключевым инструментом турецкой политики в ЦА является созданный в 2009 г. Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ), который также часто именуется Содружеством тюркоязычных государств (СТГ). В состав данной организации вошли Турция, Азербайджан, Казахстан и Киргизия. В 2019 г. в Тюркский совет вошёл Узбекистан, после чего организация, по мнению протурецких центральноазиатских экспертов, стала реальной геополитической силой.

По мнению директора кыргызстанского аналитического центра *Prudent Solutions* Эсена Усубалиева, «расширение ССТГ теоретически способствует аккумуляции совокупного потенциала всех стран, которые в него входят. И, по задумке турецкого руководства, чем больше стран и народов будет вовлекаться

в общую сферу сотрудничества, тем эффективнее и шире будут развиваться их идеи «цивилизационной геополитики» (*Medeniyet sel Jeopolitik*), согласно которым Турция отказывается от «физической географии» и идеологии в их международно-политическом смысле и выстраивает свою политику, исходя из собственного понимания культуры, цивилизации и целостности общего пространства» [15]. В качестве первоочередной задачи в рамках совета для Анкары в настоящее время рассматривается «затаскивание» в организацию Туркменистана. Республика не входит в состав ССТГ, но участвует в мероприятиях, направленных на развитие культурно-гуманитарного взаимодействия тюркоязычных стран. Члены организации, в первую очередь Турция, неоднократно озвучивали призывы к Ашхабаду вступить в ряды ССТГ. Генеральный секретарь ССТГ Б. Амреев в конце 2020 г. утверждал, что «достигнуто понимание» о получении Туркменистаном статуса наблюдателя в совете [16]. При этом для всех наблюдателей в ЦА очевидно, что туркменские власти не готовы идти на коллективные формы сотрудничества, которые могут выходить за рамки культурно-языкового взаимодействия в рамках ССТГ.

ССТГ представляет собой зонтичную организацию, вобравшую в себя все созданные за годы сотрудничества тюркоязычные организации. Членами Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран, созданной 21 ноября 2008 г. в

Стамбуле, являются исключительно государства – члены ССТГ. Целями организации заявлены: 1) помощь в развитии политического диалога между странами-членами посредством парламентской дипломатии как качественно нового уровня межпарламентского сотрудничества; 2) гармонизация законодательств и усиление совместной деятельности относительно других вопросов, имеющих отношение к парламентскому сотрудничеству на основе исторического, культурного и языкового единства; 3) помощь в развитии базы для взаимовыгодного и равного сотрудничества между тюркоязычными народами и странами других регионов; 4) внесение рекомендаций по сближению законодательства стран – членов ТЮРКПА, включая законодательство по сохранению и передаче будущим поколениям культурного наследия и исторических ценностей, искусства, литературы и других сфер, представляющих значимость для тюркоязычных стран; 5) помощь в развитии политических, социально-экономических, культурных, гуманитарных, правовых аспектов среди партий стран – членов ТЮРКПА [17].

Совет сотрудничества тюркоязычных государств считается одним из главных инструментов внешней политики Анкары. Присоединение Узбекистана в качестве полноправного члена и европейской страны (Венгрия) в качестве страны-наблюдателя можно выделить как одно из явных достижений ССТГ. Экономические

же достижения совета довольно скромны.

31 марта 2021 г. состоялся очередной саммит Тюркского совета (Совета сотрудничества тюркоязычных государств) с участием политических лидеров семи тюркских стран. Из-за эпидемиологической ситуации и мировой пандемии заседание прошло в онлайн-режиме. По итогам неофициального саммита Совета сотрудничества тюркоязычных государств принята Туркестанская декларация. Второй президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев при этом отметил, что «цель тюркоязычных стран – сделать тюркский мир одним из важнейших экономических и культурно-гуманитарных пространств в XXI веке», и призвал «начать модернизацию тюркской цивилизации прежде всего с представления всему миру наследия Ясави и священного Туркестана. Поэтому сегодняшний саммит называется «Туркестан – духовная столица тюркского мира». По инициативе Елбасы Н. Назарбаева город Туркестан кардинально изменился и приобрёл новый облик», – сказал Токаев [18]. Казахстан инициировал создание Международного агентства по биологической безопасности. Туркестан был объявлен «столицей тюркского мира», а ССТГ обещали зарегистрировать в ООН как международную структуру.

Следующий саммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств состоится 12 ноября 2021 г. в Стамбуле.

Все вышеуказанные многочисленные структуры ведут в ЦА ак-

тивную деятельность, и сфера их интересов затрагивает не только официально декларируемые вопросы культурных взаимоотношений, но и вполне конкретную идеологическую обработку и формирование лоббистского потенциала в правящих элитах региона.

Цели ТЮРКСОЙ, которая была создана министрами культуры Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана и Турции [19], обозначил её глава Д. Касеинов: «Международная организация «Тюрксой», созданная в 1993 г. для содействия в сохранении и развитии культуры тюркских народов, придаёт особое значение сотрудничеству с образовательными и научными центрами, деятельность которых является позитивным фактором в духовной консолидации братских народов тюркоязычного пространства» [20]. Исследователь В. Аватков считает, что «на практике посредством финансирования тех или иных программ и мероприятий в том или ином регионе «Тюрксой» объединяет вокруг себя лояльные национальные элиты, формирует особую группу национальной интеллигенции, ориентированной на объединение тюркских народов вокруг Турции» [21: 7]. Этому способствует то, что пантюркистские, протурецкие настроения достаточно широко распространены в среде центральноазиатской интеллигенции, превалируя даже над их прозападной или пророссийской ориентацией.

Кроме того, пантюркизм является для части местной интеллиген-

ции объединяющим фактором, поскольку в ЦА прозападно (а также антироссийски и антикитайски) настроенные национал-патриоты, как правило, совмещают эту позицию с приверженностью идеям интеграции, тесного сотрудничества тюркского мира.

Помимо вышеописанных организаций в ССТГ входят и другие структуры, такие как, например, Совет президентов, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин тюркоязычных государств.

В то же самое время было бы преувеличением говорить о каких-либо массовых протурецких настроениях и симпатиях населения ЦА. Например, в Казахстане, самой экономически развитой республике ЦА с относительно широкими возможностями национал-патриотов (в РК их большая часть симпатизирует неоосманистским идеям) доносить свои пропагандистские материалы до широких слоёв населения, социология не фиксирует какой-то массовой поддержки Анкары и её политики. На сегодняшний момент, по оценке одного из ведущих казахстанских социологов, президента общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия»» Г. Илеуовой, отношение казахстанского населения к внешним ценностным ориентирам очень разношёрстно и дискретно. Так, согласно недавним опросам, до половины казахского населения республики считает, что страна должна двигаться каким-то своим, особым, самобытным путём. Одна-

ко каждый формулирует этот путь по-своему и привносит в это понятие «всё, что ему заблагорассудится».

«Социология меряет слои населения широкими мазками. От 30 до 40 процентов казахстанцев вне зависимости от этнической принадлежности считают, что страна должна развиваться самостоятельно, без строгой опоры на внешнеполитических союзников. Где-то 20–25 процентов опрошенных полагают, что необходимо тесно сотрудничать с Россией или теми союзами, в которых Россия присутствует, – в частности, СНГ и ЕАЭС. 8–12 процентов составляют люди, которые считают, что Казахстану лучше сотрудничать с Западом и брать за образец западную цивилизацию. От 2 до 4 процентов выступают за тюркский мир и более тесную интеграцию с Турцией, и не

более двух процентов – за консолидацию с Китаем. Но всё это ничего общего не имеет с архаическим взглядом на мир, который сегодня присутствует в нашем обществе и приобретает все большую популярность» [22], – указывает Илеуова. Более того, именно расширение «архаического взгляда на мир», идущее параллельно с общим упадком всех образовательных систем стран региона, становится всё более значимым фактором общественного сознания в ЦА.

При этом непредсказуемость и напористость лидера Турции, сумевшего быстро и легко испортить отношения с множеством других государств, стала вызывать заметные опасения не только у союзников Турции по НАТО, но и в странах ЦА, причём как на уровне элит, так и среди более широких слоёв населения [23].

«Мягкая сила» Турции в Центральной Азии

Указанный выше феномен архаизации массового сознания населения региона, как представляется, учитывается Анкарой и является одним из мотивов значительного внимания Турции к методикам «мягкой силы», используемым в ЦА. Можно констатировать, что турецкая сторона последовательно стремится к расширению использования «мягкой силы» и экономического влияния на регион (в том числе на страны, входящие в состав ЕАЭС, – Казахстан и Киргизию). По оценке российского политолога Ев-

гении Махмутовой, «к сильным сторонам турецкой «мягкой силы» можно отнести культурную, религиозную и языковую близость, широкую сеть экономических проектов в Центрально-Азиатском регионе, содействие получению турецкого образования» [24].

Турецкая «мягкая сила» в центральноазиатских странах представлена в первую очередь образовательной компонентой, которая в значительной степени заменила качественное советское образование. Образование стало основным ин-

струментом реализации турецких геополитических интересов в регионе.

В орбите применения турецкой «мягкой силы» оказался даже Таджикистан, несмотря на то что таджики не относятся к тюркским народам, а в языковом плане в подавляющем своём большинстве население относится к персоязычной группе. Влияние в Таджикистане Анкара стала укреплять на основе религиозной близости: таджики являются суннитами, как и турки. Эту особенность и стремится использовать турецкая сторона, открывая в стране учебные заведения. Так, в мае 2009 г. в ряде городов республики была учреждена сеть лицеев «Шалола» и «Измир». Сотни молодых таджикских граждан за последние годы получили образования в высших учебных заведениях Турецкой Республики.

Наиболее масштабно и системно образовательный сегмент турецкой «мягкой силы» представлен в Кыргызстане. В стране действуют 22 учебных заведения турецкой образовательной ассоциации «Себат», среди них 9 мужских и 5 женских международных лицеев. Также в рамках «Себат» функционируют международные школы *Cambridge* и *Silk Road*, международный университет «Ататюрк-Ала-Тоо» и турецко-киргизский университет «Манас». По данным на конец 2013 г., в учреждениях ассоциации «Себат» в Кыргызстане обучалось более 9 тыс. чел. Их главным преимуществом по сравнению с местными школами является акцент на изу-

чении точных наук и английского языка.

При этом на территории Киргизии осуществляют свою деятельность более 300 совместных киргизско-турецких предприятий, которые в отличие от российского бизнеса интегрированы с турецкими образовательными учреждениями по ряду направлений. Сотрудников в такие компании набирают в подавляющем большинстве из выпускников турецких заведений. В республике действует Ассоциация молодых предпринимателей, ядро которой составляют несколько сотен выпускников турецких учреждений, которые экономически и геополитически ориентированы на Анкару. По мнению сопредседателя Ассоциации региональных экспертов Киргизии «Пикир» политолога И. Шестакова, «помимо того что тысячи студентов из Кыргызстана ежегодно едут на учёбу в Турцию, системно выстроена модель обучения и для подрастающего поколения республики: детский сад – лицей – университет. Такой образовательной цепочки не имеет в Кыргызстане ни одно из зарубежных государств. А детский сад и является началом всех начал в воспитательном процессе граждан республики. Поэтому Турции и не надо создавать каких-либо аналитических центров в Кыргызстане, они эффективно используют образовательные схемы для проведения своей идеологии. В целом Турция демонстрирует, что является для Кыргызстана страной-мессией» [25].

Во всех пяти странах ЦА (в каждой в различной степени) потенциал роста «мягкой силы» Турции заключается в возрастающем образовательном влиянии, перерастающем в формирование социальных и деловых сетевых структур. В сферах строительства, торговли, сельхозпереработки и продовольственной отрасли роль турецкого бизнеса растёт, формируя под себя производственные, торговые цепочки.

В то же время, как отмечает кыргызстанский тюрколог К. Кудаяров, «позиции России в Киргизии претерпевают некоторые изменения под воздействием проводимой Турцией в Киргизии политики, которая направлена на восхваление этнокультурных и иных особенностей киргизского народа; на распространение турецкой модели ислама, при которой религия проникает практически во все сферы жизни государства и общества. Турция пытается взять на себя цивилизаторскую функцию, ориентированную на тюркоязычное пространство и адаптированную под местные этнокультурные различия и особенности. Турецкая стратегия в Киргизии приносит этой стране определённые дивиденды. Тем не менее принятые Россией меры по интеграции Киргизии в ЕАЭС позволяют ей сохранить ключевые позиции в Киргизской Республике» [26, С. 4].

Отдельным вопросом остаётся использование Анкарой религиозного фактора. Он неодинаков для каждой из республик региона.

В Узбекистане, например, как отмечают узбекские учёные, на се-

годняшний день в отношении религиозности населения сложилась двойственная ситуация. С одной стороны, власти поддерживают и даже поощряют религиозные институты (например, в ходе последнего визита Р. Эрдогана в Ташкент были заключены двусторонние договорённости о намерении Анкары открыть в Узбекистане научно-исследовательские институты имени имама Аль-Бухари и имама Матуриды [27]). Президент РУз Ш. Мирзиёев в ходе визитов по стране регулярно посещает культовые места, мечети, медресе и говорит о необходимости увеличения квот на хадж. В то же время значительная часть общества и государственные структуры (особенно силовые) с подозрением смотрит на тех, кто слишком ревностно придерживается исламских традиций, что особенно касается внешнего вида и одежды [28]. В республике существуют стойкие опасения относительно возможной дестабилизации, стабильность при этом ассоциируется с необходимостью религиозных ограничений. Это было очевидно после андижанских событий 2005 года, когда группа исламистских экстремистов пыталась поднять мятеж.

Используя модель религиозности, в рамках которой религия подчинена государству, Турция поддерживает благотворительные религиозные организации и общественные фонды, которые, функционируя на самом «низовом» уровне, решают бытовые проблемы простых людей. Строительство мечетей, поддержка малоимущих, призыв к сплочению

в рамках многонациональной уммы, кропотливая социально полезная работа, которую проводят представители протурецких религиозных фондов, дают им преимущество перед конкурентами в использовании «мусульманского фактора» в ЦА – персами и арабами. Такие фонды, как «Адеп Башаты» (десятки тысяч сплочённых последователей во всех регионах Киргизии), «Туркия Диянат Вакфи», «Нурджулар» («Нурджулар»), выступают действенным рычагом пропаганды пантюркизма. Фонды до ограничений, связанных с пандемией коронавируса, ежегодно отправляли сотни молодых людей на религиозное обучение в Турцию, а по возвращении поддерживали их в бизнесе и продвижении карьеры.

На постсоветском пространстве особой активностью выделяется религиозно-политическая организация «Нурджулар». За несколько последних лет «Нурджулар» учредила за пределами Турции более 500 учебных заведений, которые по документам обозначены «светскими и гражданскими». После распада СССР только в республиках ЦА было открыто не менее 100 учебных заведений «Нурджулар».

После прихода к власти в Турции (2001–2002 гг.) ныне правящей Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Эрдоганом влияние «Нурджулар» возросло до такой степени, что это стало угрожать светскому характеру Турецкой Республики. Можно также утверждать, что важную, если не ключевую, роль в утверждении текущего вну-

три- и внешнеполитического курса Турции сыграла позиция движения проповедника Ф. Гюлена, позже получившего название «Хизмет» («Служение»), проповедующего «гуманизм в исламе, сотрудничество с другими религиями», и поддержка им реформ Эрдогана. «Хизмет» представляет собой весьма влиятельную как в Турции, так и за её пределами организацию, проповедующую идеи тюркской солидарности [29].

В Турции гюленисты занимали высокие государственные посты, многие из них были представлены в бизнесе, армии и научной элите страны. Отношения между властями и гюленистами в целом были весьма неплохи до начала «арабской весны», когда проявились резкие расхождения в видении турецкой внешней политики в соседних странах. В 2013 г. прошли чистки, суть которых заключалась в устранении политического влияния Гюлена через отстранение от власти видных политиков, чиновников и других влиятельных лиц, имеющих отношение к «Хизмет». После попытки переворота в 2016 г. Ф. Гюлена обвинили в терроризме и организации государственного переворота. Проповеднику пришлось бежать в США, где он и скрывается с тех пор. Правда, власти Анкары долгое время не препятствовали деятельности «Нурджулар» и гюленистов в зарубежных странах.

Центром же «официального» религиозного образования Турции в регионе ЦА является правитель-

ственное управление по делам религии «Диянет», представляющее собой главный орган, не только занимающийся религиозной сферой в целом, но и активно поддерживающий мусульман-суннитов и суннитские религиозные организации по всей стране.

«Диянет» организовало в странах ЦА и других регионах мира центры религиозного обучения, призванные способствовать распространению ценностей умеренного ислама. «Диянет» располагает 16 школами в таких странах, как Азербайджан, Киргизия, Казахстан, Румыния,

Болгария, Сомали, Малайзия, Гаити и Пакистан.

Турция уделяет серьёзное внимание религиозному обучению и продвижению исламских ценностей в другие страны. Студенты из ЦА за счёт «Диянет» посещают религиозные центры Турции. Активно Турция строит и мечети. При турецком финансировании в Казахстане строятся мечети в Нур-Султане, Семипалатинске и Туркестане, построена соборная мечеть в Бишкеке. В регионе ЦА в настоящее время наиболее заметно турецкое религиозное влияние в Кыргызстане.

Перспективы

Оценивая перспективы стремления Турции расширить своё влияние в ЦА, в первую очередь следует учитывать геополитический контекст. Тем более что именно геополитика, а не экономика или иные рациональные соображения лежат в основе концепции неоосманизма и всей современной турецкой внешней политики.

Фактически в мире возобновилась прямая борьба великих держав и государств второго уровня за положение в мировой иерархии. Все участники этого противоборства стремятся при этом получить и закрепить максимально возможные в текущих обстоятельствах односторонние преимущества.

До настоящего времени такое состояние международных отношений всегда заканчивалось войной, и сейчас риск войн в различных ре-

гионах мира возрастает. Важным вопросом в настоящее время видится способность сохранения стабильности ЦА в условиях растущего геополитического противоборства. Турции пока удаётся балансировать свои интересы в ЦА с двумя ведущими силами в регионе – Россией и Китаем. Однако после Второй карабахской войны возникают опасения в способности сегодняшнего турецкого руководства выдерживать данный баланс. Как пишут проамериканские эксперты, «хотя Россию и Турцию связывают общие интересы, они являются геополитическими соперниками в силу исторического и географического факторов. В стратегическом плане важно, что Турция является членом Организации Североатлантического договора и имеет гораздо больше общих интересов в области политики и

безопасности с Соединёнными Штатами и другими странами Запада, чем с Россией, хотя её отношения с ними складывались не лучшим образом в последние годы. В свете этих фактов для России естественно рассматривать турецкое присутствие в регионе как угрозу своему долгосрочному влиянию, пусть и не самую крупную на сегодняшний день. С другой стороны, растущее присутствие Анкары в Центральной Азии может предоставить Вашингтону бесценную возможность совершить фундаментальный прорыв в зоне российского влияния» [30].

Если же оценивать текущую ситуацию объективно, то понятно, что главной целью внешней политики Турции остаётся стремление постепенно превратиться в державу мирового уровня, без учёта законных интересов которой невозможно решать не только региональные вопросы на Ближнем Востоке, Балканах, Средиземноморье, Южном Кавказе, но и иные проблемы глобальной безопасности и мирового развития. Как отмечает казахстанский эксперт по проблемам Ближнего Востока А. Баталова, в сегодняшних условиях каждое государство создаёт свои союзы. Анкара, по мнению некоторых аналитиков, стремится возродить Османскую империю на Востоке и создать Великий Туран. «Президент Эрдоган на конгрессе партии АКП (Партия справедливости и развития (ПСР), на турецком – *Adalet ve Kalkınma Partisi*, часто сокращается до *AKP* или *AK Parti*. – Прим. авт.) на про-

шлой неделе сказал, что «Турция будет увеличивать количество друзей», и подчеркнул, что «у Анкары нет предпочтений перед Западом или Востоком, а есть желание найти золотую середину» [31].

Центральная же Азия для Анкары сейчас, во-первых, регион не первостепенной важности, «цель второго порядка», во-вторых, это пространство для прагматичной политики, с оглядкой на факторы влияния других мировых центров силы, и, в-третьих, это пространство, посредством которого Турция повышает свою значимость в международной политике, создавая и развивая механизмы (институты) коллективного и двустороннего сотрудничества в ЦА, что должно в перспективе гарантировать соблюдение её интересов.

Как утверждает идеолог казахских национал-патриотов А. Сарым (Саримов), введённый с недавних пор властью в парламент Казахстана в качестве депутата, «ситуация в мире меняется стремительно. За считанные месяцы разрешён один из ключевых вопросов кавказского региона – нагорно-карабахский конфликт. Кроме того, мир продолжает находиться в состоянии санкционных войн, противостояния Запада с Китаем и Россией. Все эти вещи заставляют думать, честно оценивать ситуацию, сравнивать возможности, искать новые форматы сотрудничества. Как государство, которое ведёт многовекторную политику, мы не должны принимать чью-либо сторону в этих конфликтах. Наша за-

дача – искать новые выходы на мировые рынки» [32]. Таким образом, протурецкие лоббисты в ЦА предлагают властям стран региона ориентироваться на Анкару в качестве альтернативного центра, который, по их мнению, позволит «минимизировать негативное геополитическое влияние на нас мировых конфликтов. В том числе речь идёт о защите от любых попыток втянуть Казахстан в чужие разборки» [32]. Подобные надежды (если они искренни) выглядят крайне странно: геополитический проект Анкары для региона ЦА не даёт никаких оснований рассчитывать на возможность для республик региона «отсидеться» за широкой турецкой спиной в условиях нарастающей мировой турбулентности. Не говоря уже о том, что у Р. Эрдогана нет ресурсного обеспечения для реализации вышеозначенных протурецких региональных настроений. Для Анкары все «внешние турки» [33] региона не объект опеки, а простой расходный ресурс для реализации неоосманского проекта. Становясь «младшим партнёром» Турции, любая из стран региона рискует быстро и существенно испортить отношения с основными стратегическими союзниками и на Западе, и на Востоке.

Как показывает история суверенного существования стран ЦА, они гораздо легче сотрудничают на двусторонней, а не на многосторонней основе. Кроме того, государства региона являются членами ряда других международных организаций. Тормозящим фактором расши-

рения регионального влияния для Турции навсегда останется географическая отдалённость.

Как достаточно откровенно резюмирует известный казахстанский политолог Д. Ашимбаев, «тюркская интеграция – тема, имеющая очень древние корни, сложная и запутанная. Понятно, что определённые общие культурные коды у нас есть, но, к примеру, рассматривать в качестве такового латиницу не совсем правильно, потому что латиница у всех разная и языки за долгие годы очень сильно «разъехались». При этом у Казахстана идёт соперничество с Узбекистаном. Про Азербайджан я вообще молчу.

И давайте все же помнить, что идея объединения с Турцией возникла тогда, когда Турция была демократическим светским государством. А сейчас эта страна все больше исламизируется и ведёт все более агрессивную риторику. И никто на самом деле уже интегрироваться особо и не хочет, потому что всем понятно, что Эрдоган действует не в интересах тюркского мира, а в интересах Анкары. Но тема задана и разговоры идут.

Что же касается настроений казахстанского общества, то они во многом зависят от новостей извне... Так что у каждой из стран-гигантов есть определённые интересы по недопущению увеличения влияния на регион другой страны. Сейчас, когда экономическая мощь всех гигантов значительно ослабла по объективным причинам, никто в наши дела не вмешивается, понимая, что

практически моментально последуют контрмеры.

Если раньше совокупный Запад действовал в Казахстане через Турцию, подогревая панисламизм, то сейчас, когда Эрдоган разругался с Западом, этот рычаг влияния заметно ослаб. Возникла ситуация, в которой все против всех. А мы – посередине» [34].

Описанная ситуация практически идентична и для других центральноазиатских республик. ЦА, разделяя историко-культурную общность, рассматривается Анкарой как «важное стратегическое пространство». Однако с вхождением Ближнего Востока в зону долгосрочной нестабильности, ухудшением политических и экономических связей Анкары с ключевыми региональными игроками внешнеполитическая концепция Турции «ноль проблем с соседями» оказалась несостоятельной.

Одновременно снижение темпов экономического роста, нарастающая угроза со стороны различных террористических групп, скопление свыше двух миллионов беженцев на территории Турции, нерешённый (и, очевидно, нерешаемый) курдский вопрос, идеологический разлом в турецком обществе являются ключевыми внутривнутриполитическими вызовами влияющих на формирование внешнеполитических ориентиров. Экономические и внутривнутриполитические проблемы в Турции будут расти, что означает, что центральноазиатские элиты будут относиться к ней с большей осторожностью. Се-

куляризованным режимам ЦА непонятно, как теперь, когда все очаги поддержки светского государства в Турции: армия, суды, система науки и образования – подвергаются чисткам, остановить сползание страны к исламизму, в чем давно подозревают Эрдогана и его ПСР. Для элит Средней Азии, которые борются за сохранение светского государства, это, естественно, будет фактором, лимитирующим отношения с Турцией.

Как отмечает казахстанский эксперт А. Бурханов, «если не считать культурно-исторические связи, то потенциал для реальной экономической и политической интеграции тюркских государств довольно ограничен. Например, на пять тюркоязычных стран приходится менее 5 процентов от общего объёма внешней торговли Казахстана. Большинство этих стран развивают отношения с другими государствами и интеграционными объединениями, которые для них более приоритетны. Поэтому каких-то больших ожиданий от тюркской интеграции ждать не приходится. Представители политических элит тюркских государств вполне ясно осознают, что участие в тюркском проекте не является (и в обозримой перспективе вряд ли сможет стать) серьёзной альтернативой другим интеграционным форматам, в которых участвуют эти страны» [10].

Отсутствие прочной экономической базы стало причиной неудачи «великотурецкого» проекта в 90-е гг. XX в. Теперь же, в резко меняющихся геополитических и геоэкономи-

ческих условиях, Анкара, исправляя прежние ошибки, может усилить своё экономическое и, отчасти, военно-политическое присутствие в тюркоязычных республиках бывшего СССР, подкрепив свои позиции рекрутированием местной протурецкой части элиты. Идеи родства тюрков, совместного пути и общей судьбы пока не стали доминирующими в турецко-центральноазиатских отношениях, но занимают немаловажное место. Сторонники неосманизма уверяют, что идеология культурной интеграции тюркоя-

зычных народов не несёт угроз интересам остальных участников мирового политического процесса. Однако массовое воспитание протурецких элит, которые потенциально способны стать причиной различных неожиданных внутриэлитных искусственных изменений в странах ЦА [35], а также источником разобщения и развала иных политических и экономических объединений Евразии, не может не мотивировать к внимательному наблюдению за действиями Анкары в регионе.

Список литературы

1. *Turkey's Relations with Central Asian Republics* / Министерство иностранных дел Турецкой Республики // URL: http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-relations-with-central-asian-republics.en.mfa (дата обращения: 22.02.2018).
2. Шлыков П. Политика и экономика «турецкого потока»: интересы и расчёты Анкары // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2015. Вып. 37 (53). С. 2–5.
3. *Boosted Transition of Uzbek Language to Latin alphabet: Consequences for the Population* // URL: <https://cabar.asia/en/boosted-transition-of-uzbek-language-to-latin-alphabet-consequences-for-the-population> (дата обращения: 29.03.2021).
4. Уразова Е. Проблемы российско-турецких отношений в Центральной Азии // Российско-турецкие отношения: 2002–2012 годы (материалы круглого стола, г. Москва, 4 апреля 2013 г.) / Под ред. В. Аваткова, С. Дружиловского, А. Федорченко. М.: Изд-во МГИМО, 2013. С. 137–142.
5. Назарбаев Н. На пороге XXI века. Алматы, 1996. 285 с.
6. Мирзеханов В. Восприятие Россией политики Турции в Центральной Азии и перспективы российско-турецкого сотрудничества в регионе // URL: <http://histrf.ru/uchenim/blogi/post/post-310> (дата обращения: 02.02.2021).
7. Сотрудничество Турции с Центральной Азией // URL: <https://islam.kz/ru/news/v-mire/sotrudnichestvo-turtsii-s-tsentralnoi-aziei-11316/#gsc.tab=0> (дата обращения: 31.03.2021).
8. Тюркский мир: пора ли объединяться? Возможности интеграции тюркского мира // URL: <https://platon.asia/politika/tyurkskij-mir-porali-ob-edinyatsya> (дата обращения: 02.04.2020).

9. Сулейманов А. Идеология А. Довутоглу и внешняя политика Турции // Вестник РУДН. Сер. «Международные отношения». Сент. 2015. Т. 15. № 3. С. 135–142.
10. Сухаревская О. Турция пытается втянуть страны Туркестана в свою игру // URL: <https://regnum.ru/news/polit/3088276.html> (дата обращения: 13.10.2020).
11. Каримов Т. Турция все глубже внедряется в Казахстан // URL: <https://ehonews.kz/turtsiya-vse-glubzhe-vnedryaetsya-v-kazahstan/> (дата обращения: 30.03.2021).
12. Быть ли латинизации в Казахстане? Что значит новая языковая программа до 2025 года? // URL: <https://stanradar.com/news/full/37882-byt-li-latinizatsii-v-kazahstane-cto-znachit-novaja-jazykovaja-programma-do-2025-goda.html> (дата обращения: 15.01.2020).
13. Грязев А. Армейская дружба: как Турция ищет союзников в Средней Азии. Эксперты оценили идею создания блока «Армия Турана» во главе с Турцией // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/28_a_13337641.shtml (дата обращения: 28.10.2020).
14. Об организации // Союз инженеров и архитекторов тюркского мира // URL: <http://www.tdmmb.org.tr/hakkimizda/> (дата обращения: 30.02.2021).
15. Тюркское сотрудничество и внешняя политика Турции в Центральной Азии // URL: <https://caa-network.org/archives/21201> (дата обращения: 15.12.2020).
16. Курманбекова А. ССТГ как инструмент геополитики Турции в Центральной Азии // URL: <https://cabar.asia/ru/sstg-kak-instrument-geopolitiki-turtsii-v-tsentralnoj-azii> (дата обращения: 11.11.2020).
17. Основные цели ТюркПа / Парламентская ассамблея тюркоязычных государств – *TurkPA (Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking Countries)* // URL: <http://www.turk-pa.org/news.php?id=150&lang=en> (дата обращения: 28.03.2021).
18. Токаев выступил с обращением на саммите тюркоязычных стран // URL: <https://www.zakon.kz/5063578-tokaev-vystupil-s-obrashcheniem-na.html> (дата обращения: 31.03.2021).
19. О «Тюркской» / Международная организация тюркской культуры «Тюркской» // URL: <http://www.turksoy.org/ru/turksoy/about> (дата обращения: 12.09.2018).
20. Приветствие генерального секретаря Международной организации тюркской культуры Д. К. Касеинова участникам VII Международной тюркологической конференции / Казанский (Приволжский) федеральный университет // URL: <http://kpfu.ru/pdf/portal/content/71986.pdf> (дата обращения: 23.09.2020).
21. Аватков В., Бадранов А. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век. М.: Изд-во МГИМО, 2013. № 2 (27). С. 5–10.

22. Жанузаков А. Победят ли в Казахстане воинствующие уятмены – мнения экспертов // URL: <https://365info.kz/2018/01/pobedyat-li-v-kazahstane-voinstvuyushhie-uyatmeny-mneniya-ekspertov> (дата обращения: 27.01.2018).
23. Сотрудничество Токио и Анкары в Центральной Азии: Времена больших надежд прошли // URL: <https://ia-centr.ru/experts/olga-vishnyak/sotrudnichestvo-tokio-i-ankary-v-tsentralnoj-azii-vremena-bolshikh-nadezhd-proshli/> (дата обращения: 12.11.2020).
24. После распада СССР в Центральной Азии поменялось очень многое // URL: http://picreadianalitika.ru/makmutova_interview (дата обращения: 24.10.2020).
25. Файзулин Р. «Старший брат» в феске пришёл в гости и остался жить // URL: <http://m.ritm Eurasia.org/news--2016-05-07--starshij-brat-v-feske-prishel-v-gosti-i-ostalsja-zhit-23392> (дата обращения: 10.05.2016).
26. Кудаяров К. Турецкая политика в Киргизии и её влияние на внешнеполитическую стратегию России в Киргизской Республике: Автореф. дисс. М., 2017. 31 с.
27. Эрдоган: Мой визит в Бухару имеет большое значение // URL: <https://www.centralasian.org/a/29200162.html> (дата обращения: 30.04.2018).
28. Гарсия Р. Коран или Конституция: роль ислама в политической жизни Центральной Азии // URL: <http://ru.sputnik-tj.com/analytics/20171113/1023879463/religia-islam-gosudarstvo-istoria-tadzhikistan.html> (дата обращения: 13.11.2017).
29. Интервью А. Князева интернет-газете *Zona KZ* // URL: <https://zonakz.net/view-aleksandr-knjazev-tureckie-shkoly-fetkhullakha-gjulena-vospityvajut-agenturu-vlijanija-dlja-ssha.html> (дата обращения: 02.06.2015).
30. *Al Jazeera*: Мягкая сила Турции – как Анкара бросила вызов Кремлю в Центральной Азии? // URL: <http://inozpress.kg/al-jazeera> (дата обращения: 25.03.2021).
31. Баталова А. Десять лет «арабской весны» // URL: <https://tengrinews.kz/opinion/desyat-let-arabskoj-vesny-1093/> (дата обращения: 31.03.2021).
32. Тюркский мир на пороге ещё более глубокой интеграции // URL: <https://stanradar.com/news/full/44046-tjurkskij-mir-na-poroge-esche-bolee-glubokoj-integratsii.html> (дата обращения: 02.04.2021).
33. Турция пытается усилить позиции на Кавказе и в Центральной Азии // URL: <https://stanradar.com/news/full/41998-turtsija-pytaetsja-usilit-pozitsii-na-kavkaze-i-v-tsentralnoj-azii.html> (дата обращения: 28.10.2020).
34. Д. Ашимбаев: Запас людей в Казвласти, чьи команды могут работать, крайне мал // URL: <https://kazvedomosti.kz/article/ashimbaev-zapas-lyudej-vo-vlasti-chi-komandy-mogut-rabotat-krajne-mal/> (дата обращения: 01.04.2021).
35. *Stratfor* подогревает фантомные боли Османской империи // URL: <https://stanradar.com/news/full/43415-mnenie-stratfor-podogrevaet-fantomnye-boli-osmanskoj-imperii.html> (дата обращения: 16.02.2021).

GROZIN Andrey V. – *Candidate of Historical Sciences, Head of Central Asia and Kazakhstan Department of Institute of the CIS countries, Senior Researcher of Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences*

Address: 2/1 Melnikov Ave., Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141410.

E-mail: andgrozin@yandex.ru

Keywords: *Turkey, Ankara, Erdogan, Central Asia, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Kazakhstan, Turkmenistan, neottomanism, panturkism, soft power, Russia.*

TURKEY'S POLICY IN POST-SOVIET ASIA: APPROACHES, INSTITUTIONS, PROSPECTS

Annotation

The article analyzes the history, current state and main directions and prospects of the development of the influence of the Republic of Turkey in the republics of Central Asia. The impact of various institutions created by Ankara in different years to expand and deepen partnership with the countries of the region is assessed. The main elements of the Turkish “soft power” in Central Asia are considered. The ongoing global economic and geopolitical transformations create a wide field for various options for the development of Turkish policy in the Central Asian region.

References

1. Turkey's Relations with Central Asian Republics / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey // URL: http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-relations-with-central-asian-republics.en.mfa (accessed: 22.02.2018).
2. Shlykov P. Politika i ekonomika “turk'skogo potoka”: interests and calculations of Ankara // *European Security: events, estimates, forecasts*. 2015. Issue 37 (53). Pp. 2–5.
3. Boosted Transition of Uzbek Language to Latin alphabet: Consequences for the Population // URL: <https://cabar.asia/en/boosted-transition-of-uzbek-language-to-latin-alphabet-consequences-for-the-population> (accessed: 29.03.2021).

4. *Urazova E.* Problems of Russian-Turkish relations in Central Asia // Russian-Turkish relations: 2002–2012 (Materials of the Round Table, Moscow, April 4, 2013) / Ed. V. Avatkova, S. Druzhilovsky, A. Fedorchenko. M.: MGIMO Publishing, 2013. Pp. 137–142.
5. *Nazarbayev N.* On the threshold of the XXI century. Almaty, 1996. 285 p.
6. *Mirzekhanov V.* Russia's perception of Turkey's policy in Central Asia and Prospects for Russian-Turkish cooperation in the region // URL: <http://histrf.ru/uchenim/blogi/post/post-310> (accessed: 02.02.2021).
7. Turkey's cooperation with Central Asia // URL: <https://islam.kz/ru/news/v-mire/sotrudnichestvo-turtsii-s-tsentralnoi-aziei-11316/#gsc.tab=0> (accessed: 31.03.2021).
8. The Turkic world: is it time to unite? Possibilities of integration of the Turkic world // URL: <https://platon.asia/politika/tyurkskij-mir-pora-li-ob-edinyatsya> (accessed: 02.04.2020).
9. *Suleymanov A. A.* Dovutoglu's ideology and Turkey's foreign policy // Vestnik RUDN. International Relations Series. September 2015. Volume 15. No. 3. Pp. 135–142.
10. *Sukharevskaya O.* Turkey is trying to draw the countries of Turkestan into its game. <https://regnum.ru/news/polit/3088276.html> (accessed: 13.10.2020).
11. *Karimov T.* Turkey is increasingly being introduced into Kazakhstan // URL: <https://ehonews.kz/turtsiya-vse-glubzhe-vnedryaetsya-v-kazahstan/> (accessed: 30.03.2021).
12. Should there be Romanization in Kazakhstan? What does the new language program until 2025 mean? // URL: <https://stanradar.com/news/full/37882-byt-li-latinizatsii-v-kazahstane-chto-znachit-novaja-jazykovaja-programma-do-2025-goda.html> (accessed: 15.01.2020).
13. *Gryazev A.* Army Friendship: how Turkey is looking for allies in Central Asia. Experts appreciated the idea of creating a block "Army of Turan" led by Turkey // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/28_a_13337641.shtml (accessed: 28.10.2020).
14. About the organization // The Union of engineers and architects of the Turkic world // URL: <http://www.tdmmb.org.tr/hakkimizda/> (accessed: 30.02.2021).
15. Turkic cooperation and Turkey's foreign policy in Central Asia / the URL: <https://caa-network.org/archives/21201> (accessed: 15.12.2020).
16. *Kurmanbekov A.* CCTS as a tool of geopolitics of Turkey in Central Asia // URL: <https://cabar.asia/ru/sstg-kak-instrument-geopolitiki-turtsii-v-tsentralnoj-azii> (accessed: 11.11.2020).
17. The main objectives of TurkPA / Parliamentary Assembly of Turkic-speaking States TurkPA (Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking Countries) // URL: <http://www.turk-pa.org/news.php?id=150&lang=en> (accessed: 28.03.2021).

18. Tokayev addressed at the summit of Turkic-speaking countries // URL: <https://www.zakon.kz/5063578-tokaev-vystupil-s-obrashcheniem-na.html> (accessed: 31.03.2021).
19. About TURKSOY / International Organization of Turkic Culture TURKSOY // URL: <http://www.turksoy.org/ru/turksoy/about> (accessed: 12.09.2018).
20. The greeting General Secretary of the International organization of Turkic culture D. K. Kaseinov the participants of the VII-th international conference Turkological / Kazan (Volga region) Federal University // URL: <http://kpfu.ru/pdf/portal/content/71986.pdf> (accessed: 23.09.2020).
21. *Avakov V. A. Baranov* Soft power of Turkey in the internal politics of Russia // *Pravo I UPRAVLENIE. XXI century. M.: MGIMO Publishing, 2013. No. 2 (27). Pp. 5–10.*
22. *Zhanuzakov A.* Whether militant uyatmen will win in Kazakhstan — opinions of experts // URL: <https://365info.kz/2018/01/pobedyat-li-v-kazahstane-voinstvuyushhie-uyatmeny-mneniya-eksperto> (accessed: 27.01.2018).
23. Cooperation between Tokyo and Ankara in Central Asia: The Times of great hopes are over // URL: <https://ia-centr.ru/experts/olga-vishnyak/sotrudnichestvo-tokio-i-ankary-v-tsentralnoy-azii-vremena-bolshikh-nadezhd-proshli/> (accessed: 12.11.2020).
24. After the collapse of the Soviet Union in Central Asia has changed very much // URL: http://picreadianalitika.ru/makhmutova_interview (accessed: 24.10.2020).
25. *Fayzulin R.* “big brother” in the FEZ came to visit and stayed / URL: <http://m.ritmearasia.org/news--2016-05-07--starshij-brat-v-feske-prishel-v-gosti-i-ostalsja-zhit-23392> (accessed: 10.05.2016).
26. *Kudarov K.* of the Turkish policy in Kyrgyzstan and its impact on the foreign policy strategy of Russia in the Kyrgyz Republic: Abstract of the dissertation. M., 2017. 31 p.
27. Erdogan: My visit to Bukhara is of great importance / URL: <https://www.centralasian.org/a/29200162.html> (accessed: 30.04.2018).
28. *Garcia R.* Koran or the Constitution: the role of Islam in the political life of Central Asia. <http://ru.sputnik-tj.com/analytics/20171113/1023879463/religia-islam-gosudarstvo-istoria-tadzhikistan.html> (accessed: 13.11.2017).
29. Interview with A. Knyazeva online newspaper “Zona KZ” // URL: <https://zonakz.net/view-aleksandr-knjazev-tureckie-shkoly-fetkhullakha-gjulena-vospityvajut-agenturu-vlijanija-dlja-ssha.html> (accessed: 02.06.2015).
30. Al Jazeera: Turkey's Soft Power – How did Ankara challenge the Kremlin in Central Asia? // URL: <http://inozpress.kg/al-jazeera> (accessed: 25.03.2021).

31. *Batalova A.* Ten years of the “Arab Spring” // URL: <https://tengrinews.kz/opinion/desyat-let-arabskoy-vesnyi-1093/> (accessed: 31.03.2021).
32. The Turkic world on the threshold of even deeper integration // URL: <https://stanradar.com/news/full/44046-tjurkskij-mir-na-poroge-esche-bolee-glubokoj-integratsii.html> (accessed: 02.04.2021).
33. Turkey is trying to strengthen its position in the Caucasus and Central Asia. <https://stanradar.com/news/full/41998-turtsija-pytaetsja-usilit-pozitsii-na-kavkaze-i-v-tsentralnoj-azii.html> (accessed: 28.10.2020).
34. D. Ashimbayev: The stock of people in the Kazvlast, whose teams can work, is extremely small // URL: <https://kazvedomosti.kz/article/ashimbaev-zapas-lyudej-vo-vlasti-chi-komandy-mogut-rabotat-krajne-mal/> (accessed: 01.04.2021).
35. Stratfor heats up the phantom pains of the Ottoman Empire // URL: <https://stanradar.com/news/full/43415-mnenie-stratfor-podogrevaet-fantomnye-boli-osmanskoj-imperii.html> (accessed: 16.02.2021).

Даниил ВЫШЕГОРОДЦЕВ

ПОЛИТИКА ФРГ ПО ОТНОШЕНИЮ К УКРАИНЕ В 2010-Х: АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ВОЕННОЙ СФЕР И РАБОТЫ НГО И НКО

Аннотация

В настоящей статье проанализирована деятельность государственных и негосударственных акторов – представителей Федеративной Республики Германии на территории Украины в области политики, экономики, военного сотрудничества и деятельности немецких негосударственных и некоммерческих организаций в данном государстве за последнее десятилетие. Сделан вывод о том, что, несмотря на резкое качественное изменение немецкой политики по отношению к Украине, спровоцированное кризисом 2014 г. и его последствиями, она продолжает проводиться в русле медленного, но планомерного закрепления данного государства в своей сфере влияния. Привлечение Российской Федерации к процессам смены политической, экономической и иной аффилиации на Украине, а также в других государствах постсоветского пространства приводит к их де-факто легитимизации и утере РФ влияния на этих территориях.

ВЫШЕГОРОДЦЕВ Даниил Денисович – магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1. *E-mail*: hightownhochstadt@mail.ru

Ключевые слова: Германия, Украина, ЕС, газовый транзит, РФ, НАТО.

На протяжении истории территория нынешней Украины часто становилась ареной противоборства между различными государствами. В разные исторические промежутки данное пространство подпадало под влияние с севера (Россия), запада (Польша, Австрия) и даже юга (Турция). Времена стабильности, связанные с подчинением или включением этих земель в состав той или иной страны, сменялись периодами политического хаоса и изменения баланса сил. Вместе с тем, несмотря на сложности исторического пути, население нынешней Украины в этнокультурном плане всё равно достаточно близко именно к России и её самой большой части населения – русским. Это выражается не только в этническом (принадлежность к восточным славянам), но также и в религиозном (православие как наиболее распространённая религия) и языковом (несмотря на активное вытеснение русского языка на протяжении последних десятилетий, он всё ещё широко распространён среди населения Украины) аспектах. Значительную роль играет и совместная история: изначально Украина была естественной частью сложившегося в IX–X вв. Древнерусского государства, затем, в период XVII–XVIII вв., постепенно воссоединилась с Россией, в составе которой она находилась вплоть до падения Российской империи. По итогам гражданской войны эти территории были включены в состав СССР и сформированы в Украинскую Советскую Социалистическую

Республику (УССР), что фактически стало также началом украинской государственности.

Несмотря на это, вышеописанная внутренняя конфигурация, сложившаяся в силу длительного деления территории между конкурирующими странами, не могла не оказать влияния на современное положение Украинского государства, характеризующееся различиями между отдельными регионами и нередкими конфликтами между отдельными группами и их интересами. Во внешнем же измерении это на сегодняшний день выражается в том, что Украинское государство начинает играть роль буфера, прежде всего между Российской Федерацией и странами Европейского союза, и обе стороны стремятся закрепить это пространство за собой в политическом, экономическом и культурном плане. Начавшийся ещё в 2000-е гг. постепенный дрейф Украины «на запад» не вызывал у российского руководства особых опасений, в первую очередь в силу сохранения дружелюбной официальной риторики, а также продолжавшегося экономического сотрудничества. Однако после государственного переворота в начале 2014 г. и последовавших за ним пророссийских выступлений на всём востоке Украины (приведших к воссоединению Крыма с Россией и образованию Луганской и Донецкой народных республик (ЛДНР)) российско-украинские отношения, носившие хотя бы де-юре дружественный характер, резко ухудшились.

В этой связи, естественно, активизируют свою деятельность другие акторы, которые стремятся воспользоваться резким ухудшением положения РФ на Украине для укрепления своего влияния. В данном контексте чаще всего говорят о роли западных стран, под которыми понимаются Соединённые Штаты Америки и государства ЕС. Вместе с тем их политика на данном направлении не только не является единой по своим целям, задачам и инструментам, но и нередко вступает в противоречия. Не способствует формированию целостной картины работы конкретных стран и тот факт, что непосредственная политика в отношении Украины не рассматривается комплексно, зачастую концентрируясь на том или ином аспекте (военно-политическое взаимодействие, деятельность иностранных некоммерческих и негосударственных организаций (НКО, НГО)). Следовательно, возникает необходимость в проведении исследований, которые, концентрируясь на изучении деятельности одной конкретной

страны, охватывали бы сразу несколько сфер, что позволило бы рассмотреть эту работу не как отдельный набор мероприятий, а как элементы целого комплекса мер. Как мы уже упомянули, одними из самых часто исследуемых акторов на Украине являются страны Европейского союза, лидирующую позицию среди которых, в свою очередь, занимает Федеративная Республика Германия (ФРГ). Политика именно этого государства по отношению к Украине будет рассмотрена в этой статье по направлениям политического, экономического и военного взаимодействия, а также в сфере работы немецких НКО и НГО. Также стоит обозначить, что, помимо действий непосредственных представителей ФРГ (государственных и частных), в данном исследовании будут затронуты некоторые шаги немецкого государства в рамках двух основных наднациональных объединений, в которых оно состоит и принимает активное участие: Организации Североатлантического договора (НАТО) и ЕС.

Политика ФРГ по отношению к Украине в политической сфере

Одной из наиболее ярких особенностей деятельности ФРГ по отношению к Украине на политическом направлении является то, что она в значительной степени проводится через Европейский союз. В 2010 г. на саммите Украина – ЕС (который до сих пор является одним из форматов взаимодействия, в том числе между ФРГ

и Украиной) был подписан протокол к соглашению о партнёрстве и сотрудничестве. Кроме того, в период 2010–2012 гг. были подготовлены к подписанию соглашение об ассоциации и соглашение об углублённой и всесторонней зоне свободной торговли. Не в последнюю очередь этому способствовало и участие Украины

в программе «Восточное партнёрство», целью которого является укрепление интеграционных связей (правда, без предоставления гарантий вхождения государств-участников в ЕС в будущем). Это вкупе с имевшим место в начале 2010-х отказом украинского руководства от участия в Таможенном союзе ЕврАзЭС, что было одним из условий принятия соглашения об ассоциации со стороны ЕС, свидетельствовало о его большей ориентации на интеграцию с Германией и другими европейскими странами, нежели с Российской Федерацией и остальными государствами постсоветского пространства. Стоит подчеркнуть, что подобные приоритеты были обозначены ещё во время президентского срока В. Януковича, что контрастирует с распространённым восприятием его в качестве представителя пророссийского курса.

Попытки сохранить промежуточное положение между двумя основными политическими и экономическими партнёрами – ЕС и РФ – посредством отказа от ратификации соглашения об ассоциации в конце 2013 г. привели к политическому кризису на Украине и, не в последнюю очередь – при поддержке США, к государственному перевороту. Вместе с тем даже те события, которые происходили ещё до обострения ситуации весной 2014 г., говорят об активности ФРГ на политическом направлении в отношении Украины и накопленном к тому моменту немецком влиянии на внутригосударственную обстановку. Так, Германия была одной из стран, которая направила своего официального представи-

теля Ф.-В. Штайнмайера (на тот момент – глава Министерства иностранных дел ФРГ) для переговоров с Януковичем и представителями украинской оппозиции, результатом которых стало подписание 21 февраля 2014 г. при посредничестве Штайнмайера (а также глав МИД Польши и Франции) Соглашения об урегулировании политического кризиса на Украине. Кроме того, уже на следующий день, когда украинский парламент объявил об отстранении Януковича от власти, о необходимости оказания финансовой поддержки первому заявили наряду с представителями Швеции и Великобритании Штайнмайер [59] и уполномоченный правительства ФРГ по сотрудничеству с Россией и странами Восточного партнёрства Г. Эрлер [15]. Три дня спустя, 24 февраля, о признании нового украинского правительства легитимным объявил представитель Еврокомиссии О. Байи [10].

После смены режима на Украине её взаимодействие с Европейским союзом, НАТО и ФРГ по линиям этих организаций стремительно активизировалось. В 2014 г. было подписано соглашение об ассоциации, в 2015 г. были внесены поправки в Военную доктрину Украины, в которых «с целью получения членства в ЕС» постулировалась необходимость «интегрироваться в европейское политическое, экономическое, правовое пространство» [26]. О продолжении курса на углубление евроинтеграции, начатого или, скорее, перешедшего в активную стадию в период президентства П. Порошенко, объявил и избран-

ный в 2019 г. президентом Украины В. Зеленский [17]. Это стремление подтверждалось (и подтверждается до сих пор) визитами и переговорами государственных лиц Украины и ФРГ в 2015 г. [3], 2016 г. [22], 2017 г. [16], 2018 г. [14], 2019 г. [4] и 2020 г. [8]. Высшей точкой официальной риторики Украины по отношению к ЕС стало закрепление в 2018 г. стратегического характера курса на членство в ЕС и НАТО [19].

Одним из наиболее очевидных шагов, которые предприняла Германия для сохранения и дальнейшего усиления своих политических позиций на Украине, стало непризнание воссоединения Крыма с Россией, а также независимости Луганской и Донецкой народных республик. Это не в последнюю очередь способствовало её всё более активному вовлечению в различные форматы, нацеленные на решение возникших с 2014 г. конфликтных ситуаций. К таковым можно причислить «нормандский формат» по урегулированию конфликта между Украиной и ЛДНР, а также участие Германии в подписании комплекса Минских соглашений. Естественно, эта деятельность открыто приветствуется украинской стороной, которая стремится найти в ФРГ гарант реализации своих интересов в отношениях с Российской Федерацией. Эти надежды касаются не только поддержки в вопросе о статусе Крыма, но также путей разрешения ситуации на Донбассе, строительства газопровода «Северный поток – 2» (по этим положениям позиции РФ и Украины

прямо противоположны) и, до недавнего времени, ситуации с транзитом по территории Украинского государства природного газа из Российской Федерации. И если в случае территориальных претензий позиция Германии, хоть и скрытая внешним проявлением нейтральности, более чем ясна (введение санкций против РФ, официальная риторика об «аннексии Крыма» и «поддержке сепаратистов на юго-востоке Украины»), то более сложные аспекты, связанные с поставками российского газа и представляющие немаловажное значение для украинской экономики, видится наиболее уместным рассмотреть позже, когда мы перейдём к рассмотрению экономической политики ФРГ на Украине.

В итоге мы можем сказать, что 2010-е стали для немецко-украинских отношений временем резкого скачка в степени взаимодействия. Это проявилось как на двустороннем (регулярные встречи на высшем уровне, официальная риторика), так и на многостороннем (расширение и углубление интеграционных процессов в рамках Европейского союза) уровне. Ключевым моментом в изменении активности политики ФРГ стал 2014 г., что связано с исходом внутриукраинского кризиса и значительным ухудшением отношений между РФ и Украиной. Вместе с тем видится важным подчеркнуть один затронутый нами ранее момент, а именно тот факт, что события середины 2010-х, хотя и в немалой степени способствовали усилению влияния Германии в Украинском государстве, всё же не положили начало

«немецкому фактору» на Украине как таковому. Все те действия, которые немецкая сторона предпринимала и продолжает предпринимать с 2014 г., основываются на заложенном ещё в первое десятилетие XXI в. фундаменте. О вхождении в ЕС как о стратегической цели Украинского государства говорилось ещё в начале президентства В. Ющенко, при нём же начались переговоры о заключении соглашения об ассоциации, и тогда же Украина стала частью программы «Восточное партнёрство». Янукович, в свою очередь, не остановил начавшиеся процессы смены внешнеполитической аффилиации Украины, ограничившись лишь отка-

зом от радикально проевропейской риторики на официальном уровне и стремлением одновременно с активным взаимодействием с Европейским союзом сохранить связи с Российской Федерацией, чем и были продиктованы события Вильнюсского саммита Восточного партнёрства и его последствия. Следовательно, тот уровень взаимоотношений, который имеет место быть между ФРГ и Украиной сегодня, в первую очередь продиктован не столько внутриукраинской ситуацией и конфликтами с РФ, сколько планомерной работой, первой в политической сфере на украинском направлении на протяжении последних десятилетий.

Политика ФРГ по отношению к Украине в экономической сфере

Экономическая деятельность Германии на Украине прежде всего строится, как и в случае с политической сферой, на взаимодействии посредством институтов ЕС. Среди конкретных форматов, в которых происходит сотрудничество, можно выделить Европейское энергетическое сообщество, а также углублённую и всеобъемлющую зону свободной торговли. Вместе с тем ожидать, что Украина в ближайшей перспективе будет полностью включена в экономическую составляющую Европейского союза (и в ЕС как таковой в целом), не стоит. Если вхождению в эту организацию в политическом аспекте препятствует сохранение конфликтов с РФ и ЛДНР, то экономически вхождение Украинского государства на сегод-

няшний день не отвечает интересам европейских стран, включая Германию, несмотря на сильное желание самой Украины. При резком предоставлении ей всех прав членства в Европейском союзе ЕС пришлось бы затратить значительные средства для унификации и, прежде всего, стабилизации украинской экономики. Вместе с тем постепенное включение в определённые уровни экономической интеграции (так, нынешняя ступень – углублённая и всеобъемлющая зона свободной торговли – рассчитана на 10 лет и должна продлиться до второй половины 2020-х) позволит, с одной стороны, подстроить экономику Украины под европейские стандарты, что упростит доступ на этот рынок немецких и других игроков из

ЕС, а с другой – закрепить это государство именно за своим интеграционным проектом, не допустив его переход в иные форматы или, в худшем случае, крайне затруднив его, в чём, естественно, заинтересована и ФРГ.

Несомненно, работа на данном направлении требует немалых финансовых и иных затрат со стороны Германии и других европейских стран. Так, со стороны Европейского союза объём помощи, предоставленной в промежуток 2014–2020 гг. в форме грантов и займов для стабилизации украинской экономики, в первую очередь в областях энергетики и финансов, и проведения внутренних реформ, составил 16,5 млрд евро [58]. Со стороны же конкретно Германии помощь оказывалась посредством, например, Плана действий по Украине (*Aktionsplan Ukraine*), проводимого МИД ФРГ. Согласно данной программе (по которой в 2014 г. Украинскому государству было предоставлено около 130 млн евро, в 2015 г. – около 200 млн евро, в 2016 г. – около 110 млн евро, а также более 40 млн евро гуманитарной помощи в период 2015–2016 гг.), немецкая поддержка (финансовая, экспертная [30] и иная) также направлялась на укрепление украинского сельскохозяйственного и энергетического сектора, инфраструктуры и т. д. [33]. Кроме этого, в реализации данной программы участвует не только Министерство иностранных дел Германии, но и другие организации – представители ФРГ (такие как государственный банк *KfW* и агентство *GIZ*, которые, помимо всего прочего, тоже оказывали Украине финансовую под-

держку, хоть и незначительную по своему объёму (235 млн долл.) [36]). Оказание финансовой помощи и решение других экономических вопросов также являлись одними из тем встреч глав государств Германии и Украины в 2018 г. [14] и 2019 г. [4].

Как видим, объём непосредственной немецкой помощи по сравнению с общеевропейской (даже с учётом разницы рассматриваемых промежутков времени) очень сильно отличается. Однако если мы учтём, что ФРГ на всём протяжении этого времени вносила наибольший объём средств в бюджет ЕС (так, на 2018 г. вклад с её стороны составил 17,2 млрд евро, что уже само по себе покрывает всю оказанную Украине на протяжении половины десятилетия помощь) [60], то мы вполне можем сказать, что немалая доля средств, направленных европейскими институтами Украинскому государству, приходилась именно на Германию.

Немаловажную роль играет и двустороннее экономическое сотрудничество, основывающееся на двух основных элементах – торговле и взаимодействии в энергетической области. Если Украина для ФРГ в общей картине внешней торговли является не самым приоритетным направлением (41-е место по экспорту (4,5 млрд евро), 44-е место по импорту (2,5 млрд долл.)) [32], то Германия для первой, несмотря на различия в статистических данных, является пятым по важности экспортным направлением после Китая, Польши, Российской Федерации и Турции (2 млрд долл. (4,21% от общего объёма)) и вторым главным партнёром по им-

порту после КНР (5,1 млрд долл. (9,48% от общего объёма)) [12]. Не в последнюю очередь это обеспечивается за счёт налаживания контактов между представителями немецкого и украинского бизнеса, что является одной из целей такой организации, как Немецко-Украинская торгово-промышленная палата [34]. Если же расширить рамки до всего ЕС, то Украина в таком случае становится значительно ориентированной на европейский рынок (23,7 млрд долл. экспорта (43,8% от общего объёма) и 18,6 млрд долл. импорта (37,8% от общего объёма)). Следовательно, ФРГ имеет немалое присутствие на Украине в плане её торгового баланса, что вкупе с аналогичной ролью Европейского союза предоставляет ей серьёзный инструмент влияния. Вместе с тем последнее не сможет быть реализовано, если украинская экономика продолжит оставаться нестабильной или, что ещё хуже, вступит в кризисное состояние, близкое к полному краху. И здесь мы можем перейти к рассмотрению ситуации вокруг транзита российского газа в Германию, которая напрямую связана с немецкой деятельностью в экономической и в то же время политической сферах на Украине.

В первом приближении позиция ФРГ по этому вопросу выглядит крайне странной. С одной стороны, она выступает активным сторонником (вплоть до конфронтации с США [1]) строительства «Северного потока – 2». С другой же стороны, в качестве одного из условий дальнейшего участия в этом проекте немецкая сторона неоднократно обозначала (и продолжа-

ет обозначать) сохранение транзита российского газа через внутренние нестабильную Украину [6] и Польшу, которая, несмотря на уже долгое членство в ЕС и её серьёзную зависимость от него в финансовом плане [60], куда более тесно взаимодействует с США. Однако такую политику Германии можно легко объяснить, увязав вместе её работу в политической и экономической областях. По признанию самой украинской стороны, доходы с российского газового транзита играют ключевую роль в обеспечении стабильности экономики государства [25]. В свою очередь, в РФ в качестве одной из основных причин строительства газопровода по дну Балтийского моря заявлялась будущая независимость в своих поставках от враждебных ей государств [21]. Тем более неожиданным выглядит решение «Газпрома» в самом конце 2019 г. о заключении пятилетнего транзитного контракта с украинским «Нафтогазом» [23]. Не затрагивая вопросов роли ФРГ в принятии подобного невыгодного ни в политическом, ни в экономическом плане для Российской Федерации решения, мы вместе с тем должны обозначить, насколько такое развитие событий выгодно для самой Германии.

Во-первых, сохранение российского транзита позволит удержать украинскую экономику в стабильном состоянии, в чём немецкая сторона, как мы уже могли увидеть, заинтересована как политически (сохранение стабильности постсоветского государства, на стороне которого ФРГ выступает с начала российско-украинских противоречий и в котором в случае

нового кризиса вновь, как и в середине 2010-х, могут ярко проявиться пророссийские настроения среди населения), так и экономически (все вкладываемые Германией как напрямую, так и посредством институтов ЕС на протяжении последних семи лет финансовые и иные ресурсы, а также выстроенные экономические связи могут в одночасье обесцениться в случае экономического коллапса). Во-вторых, это в дальнейшем позволит ФРГ использовать «Северный поток – 2» (либо сам проект строительства газопровода, либо, после его завершения, поставляемый по нему газ) как инструмент давления на РФ, если последняя начнёт предпринимать шаги по отказу от транзита через Украину. Следовательно, Германия таким образом не только укрепляет своё экономическое влияние на Украине (примерно таким же образом используя будущую судьбу транзита по украинской территории как способ контроля за принятием тех или иных решений), но и использует её для воздействия на экономику Российской Федерации.

В результате мы можем сказать, что политика ФРГ на Украине в экономической области проводится более активно, нежели в области политики. Это отображается в работе как

на двустороннем направлении, так и по линии ЕС, которая состоит преимущественно из медленного вовлечения Украинского государства в общеевропейские экономические цепочки посредством постепенного включения в форматы экономической интеграции и оказания финансовой и иной помощи. В свою очередь, Германия не только является одним из ключевых доноров помощи Украине, но и использует получаемое посредством этой помощи, а также проникновения своих представителей (как через форматы, поддерживаемые самой ФРГ (Немецко-Украинская торгово-промышленная палата, План действий по Украине), так и частных немецких компаний) для укрепления своего влияния. Ярче всего это можно увидеть на примере ситуации вокруг транзита российского газа по территории Украинского государства, когда Германия, используя зависимость Украины от этого транзита и стремление Российской Федерации любой ценой продолжить поставки природных ресурсов в европейские страны, включая ФРГ, смогла отстоять свои политические и экономические интересы, сохранив и стабильность украинской экономики, и поставки российского газа и получив дополнительный рычаг влияния на РФ.

Политика ФРГ по отношению к Украине в военной сфере

Деятельность ФРГ на Украине в военной сфере во многом похожа на её работу по данному направлению в политической области. Во-первых,

она почти полностью (даже больше, нежели чем в рамках политического взаимодействия) опирается на наднациональный формат, а именно на Ор-

ганизацию Североатлантического договора. Во-вторых, подобное сходство обусловлено точкой зрения самой Украины, для которой главным внешнеполитическим приоритетом продолжает оставаться ликвидация Луганской и Донецкой народных республик и установление контроля над Крымским полуостровом, что, с учётом её неготовности и нежелания идти на какие-либо внутренние реформы и уступки, естественно, связано с военной сферой и потребностью в соответствующем взаимодействии. В качестве ещё одного общего свойства выступает и характер действий самой Германии, о которых подробнее будет сказано позже.

Как мы уже сказали, начало десятилетия отметилось частичной остановкой процессов интеграции в рамках НАТО. В 2010 г., после прихода к власти Януковича, были упразднены действовавшие ранее комиссия по подготовке к вступлению в организацию и Национальный центр по вопросам евроатлантической интеграции [29]. Вместе с тем, как можно было понять из слов самого Януковича, а также принятого в первый год его президентства закона «Об основах внутренней и внешней политики», украинское руководство не стремилось полностью отказаться от взаимодействия с НАТО и с ФРГ как её участницей. Это, в свою очередь, вновь свидетельствует о том, что переход Украины на прозападные позиции начался ещё задолго до событий 2014 г., в том числе в период президентства «пророссийского» Януковича.

Возвращение и стремительное развитие деятельности в военной об-

ласти началось с политического кризиса на Украине и последовавших за ним воссоединения с Россией Крыма и отделения ЛДНР. В 2014 г. в закон «Об основах внутренней и внешней политики» были внесены поправки, в которых обозначалось стремление Украинского государства к вступлению в Организацию Североатлантического договора [18]. В этом же году Украина предоставила свой фрегат «Гетман Сагайдачный» для проводимой ЕС операции «Аталанта» против сомалийских пиратов [47]. В 2017 г. вступление в НАТО было обозначено в качестве внешнеполитического приоритета [20], а также были открыты офис связи и центр информации и документации организации [24].

В следующем году Украине был предоставлен статус аспиранта [27], и в этом же году углубление евроатлантической интеграции было закреплено уже в украинской конституции [11]. Последним на сегодняшний день шагом в этом направлении стало получение Украинским государством в рамках Организации Североатлантического договора статуса партнёра с расширенными возможностями, что не только позволяет ему участвовать в ещё большем числе мероприятий (прежде всего учений), но и открывает перед ним возможность формулирования индивидуального плана, реализация которого является предпосылкой для официального вступления в НАТО.

Вместе с тем судьба дальнейшего развития взаимодействия остаётся неясной. С одной стороны, в ближайшем будущем при сохранении конфликта с Луганской и Донецкой на-

родными республиками, а также сохранении украинских претензий на Крым вряд ли стоит ожидать приглашения Украины для членства в организации. С другой стороны, отсутствие де-юре признания статуса Украинского государства как члена Организации Североатлантического договора не препятствует налаживанию и активной деятельности в военной сфере. Ещё до 2020 г. (а в некоторых случаях – и до 2014 г.) Украина участвовала в различных форматах и программах (Совет Евро-Атлантического партнёрства, «Партнёрство ради мира», *Partnership Interoperability Initiative* и т. д.), а также во множестве учений и других мероприятий НАТО. В 2018 г. генеральный секретарь организации Й. Столтенберг говорил о том, что Украине не будет предложено участие в программе расширенного партнёрства [2], что было сделано уже спустя два года. Следовательно, даже если Украинское государство официально так и не вступит в НАТО, взаимодействие по его линии будет продолжено – вплоть до того состояния, когда его членство будет вопросом исключительно юридического оформления.

В свою очередь, исключительно немецкая часть деятельности сосредоточена на сотрудничестве по линии Бундесвера. Оно выражается в отправке немецких военных экспертов и инструкторов для украинских вооружённых сил, поставках медоборудования и помощи в лечении и реабилитации украинских военнослужащих. Также можно отметить факт встречи в 2019 г. министра обороны Украины А. Загороднюка и посла

ФРГ А. Фельдгузен [31], после которой было подписано соглашение о выделении Украине 1,5 млн евро для приобретения медицинского оборудования [7]. До этого Фельдгузен посетила территорию проведения операции объединённых сил (ранее – зона антитеррористической операции), в ходе своего визита отметив, что «Париж и Берлин активно работают над мирным урегулированием военного конфликта» [55].

Как итог мы можем сказать, что действия Германии на Украине в военной сфере, аналогично работе в политической области, в течение 2010-х отметились сначала замедлением (но, однако, не полным прекращением) деятельности и её резким ростом после 2014 г. Последнее связано не только с возобновлением прозападного курса во внешней политике, но и с прямой, особенно в первые годы после смены режима, боязнью дальнейшего усиления пророссийских сил, фрагментации государства и, при поддержке Российской Федерации, последующего вхождения территорий в состав последней на основе проведённых референдумов. То наращивание работы в рамках НАТО, которое имело место во второй половине 2010-х, вместе с тем не находит своего симметричного выражения в прямом немецко-украинском взаимодействии. За исключением отдельных моментов (материальная и финансовая поддержка, военные инструктаж и экспертиза, официальные заявления), ФРГ не может похвастаться активной ролью в этой области.

Политика ФРГ по отношению к Украине в рамках работы НГО и НКО

Вместе с тем «недостаток» деятельности в военной области с лихвой компенсируется работой на территории Украины немецких негосударственных и некоммерческих организаций. В отличие от политической и военной сфер, где деятельность Германии осуществляется преимущественно посредством тех или иных организаций (ЕС, НАТО), в этой области почти полностью доминируют именно немецкие НКО и НГО. Их можно разделить на две основные группы: политические фонды и образовательные организации. Кроме них, однако, можно выделить отдельные организации, которые занимаются достаточно широким кругом вопросов и потому не могут быть отнесены ни к одной из выделенных групп. К таковым можно отнести действующий с 1999 г. Немецко-украинский форум, зарегистрированный и работающий в Берлине и нацеленный на налаживание контактов в политической, экономической, культурной, медийной и научной сферах [35].

Политические фонды ФРГ представляют собой организации, созданные и функционирующие при прямой поддержке немецких политических партий (нередко нося имена их основателей или ярких представителей соответствующих политических течений). Соответственно в своей деятельности они продвигают немецкие интересы, обращённые в форму тех или иных политических воззрений, которые зависят

от их «материнской партии». На данный момент среди наиболее известных фондов на Украине осуществляют свою деятельность Фонд К. Аденауэра (Христианско-демократический союз), Фонд Ф. Эрберта (Социал-демократическая партия Германии), Фонд Г. Бёлля («Союз 90»/«Зелёные»), Фонд Р. Люксембург («Левые»), Фонд Ф. Науманна (Свободная демократическая партия Германии) и Фонд Х. Зайделя (Христианско-социальный союз).

Основу деятельности немецких политических фондов составляет аналитическая и научная деятельность посредством мониторинга и подготовки различных материалов: статей, докладов, интервью, ежегодных сборников и др. Другим немаловажным аспектом является финансирование инициатив, которые удовлетворяют их взглядам, а также, с разной степенью опосредованности, создание собственных форматов. Кроме того, они организуют различные мероприятия – форумы, круглые столы, семинары и т. д., – затрагивающие интересующие фонд сферы. Все эти направления, в свою очередь, способствуют достижению не столь очевидной, но от этого не менее важной цели – консолидации вокруг себя людей, которые не только придерживаются определённых взглядов (консерваторы, социал-демократы, либералы, социалисты), но и ориентированы на взаимодействие с Германией в частности и европейскими стра-

нами в целом в качестве приоритетного направления сотрудничества. Подобная стратегия позволяет не только формировать вокруг себя общность лояльно настроенных граждан Украины, но и в дальнейшем выстроить связи с теми организациями, участники которых были вовлечены в работу фондов. В результате они создают вокруг себя определённую сеть из конкретных людей и организаций-партнёров, которая за счёт своих количественных (масштаб и число охватываемых субъектов) и качественных (положение, влияние конкретных субъектов в обществе и государстве) особенностей может оказывать влияние на принятие тех или иных решений, в том числе на высшем уровне.

Вся вышеописанная деятельность политических фондов ФРГ действительна и в отношении их работы на украинском направлении. Положение Украины в мире, внутренняя обстановка и иные вопросы, напрямую связанные с данным государством, естественно, являются темой научных и аналитических работ украинских отделов немецких фондов. В качестве примеров можно назвать исследование Фонда Аденауэра и украинской НГО «Платформа Публічної Дипломатії» *Youth Lublin Triangle: Study of the potential* [61], периодическое издание *Ukraine Analytica*, разрабатываемое различными украинскими организациями при поддержке Фонда Эберта (последний выпуск посвящён Крыму) [56], опубликованный Фондом Бёлля информационный бюллетень *Ukraine*

and EU: Towards a decarbonisation partnership [57] и исследование Фонда Зейделя и Римского клуба «Економіка України: пандемія COVID-19, нова економічна реальність, рекомендації» [9]. Поддержка местных инициатив ярче всего демонстрируется в рамках Фонда Аденауэра, который, например, выступил сооснователем украинской негосударственной организации Институт Політичної Освіти, а также поддерживает ежегодную конференцию украинского комитета Европейского молодёжного парламента [49]. Форматы и организации богато представлены во всех фондах: «Український урбаністичний онлайн-форум 2020» (поддержан Фондом Бёлля), целый ряд проектов в рамках программы Фонда Науманна *International Academy for Leadership* [46], выставка «Кожны дзень. Мистецтво. Солідарність. Спротив» (Фонд Аденауэра) [5] и др. Особо ценной в рамках этой деятельности (особенно по направлению выстраивания своих информационно-экспертных сетей) для немецких политических фондов является работа с молодёжью как наиболее активной частью населения и привлечение её к своей деятельности. В вышеуказанных фондах действуют стипендиальные и грантовые программы, а также предлагаются варианты практик (в фондах Аденауэра [52], Эберта [39], Люксембург [51], Науманна [41]).

По направлению молодёжи работает и вторая группа выделенных нами немецких НКО и НГО, действующих на территории Украины, а именно образовательные органи-

зации. Самыми крупными представителями ФРГ в этой области в целом и на украинском направлении в частности являются Гёте-институт и Немецкая служба академических обменов (DAAD). Их работа, в отличие от аналогичной деятельности политических фондов, наоборот, в основном состоит из стипендиальных и грантовых программ, а организация соответствующих мероприятий выступает в качестве поддержки. Гёте-институт является одной из наиболее известных организаций, распространяющих немецкий язык и способствующих его изучению. Конкретно на Украине он функционирует в языковой (курсы, работа со школами, организация образовательных поездок, в т. ч. в ФРГ) [42] и культурной (популяризация немецкой культуры) [44] сферах, а также сотрудничает с различными университетами, научными библиотеками и культурными центрами [43]. В косвенном симбиозе с Гёте-институтом работает и DAAD, которая прежде всего занимается привлечением украинских учёных и исследователей к научно- и практико-ориентированным проектам, прежде всего в Германии [54], а немецких учёных – к аналогичным форматам на Украине [53]. Помимо этого, она также оказывает информационную поддержку желающим участвовать в соответствующих немецких и украинских мероприятиях.

Говоря о деятельности немецких НГО и НКО на Украине, нельзя, помимо всего прочего, не упомянуть, что Украина играет для них немаловажную роль в качестве «перевалоч-

ного пункта». Через неё осуществляют свою деятельность те НКО и НГО (а также их профильные филиалы) из ФРГ, которые в силу отсутствия регистрации или же вследствие официального запрета не могут функционировать непосредственно на территории тех или иных государств. К примерам подобных обходов юридических препятствий можно отнести, например, Фонд Эберта, который был вынужден прекратить свою деятельность в Белоруссии по причине истечения срока действия лицензии [28] и продолжает работать на белорусском направлении через совмещённое бюро по Украине и Белоруссии в Киеве [38]. Аналогичным образом осуществляют деятельность представительства фондов Науманна [40] и Бёлля [45]. Как результат эти организации наращивают своё присутствие на Украине не только как на прямом направлении работы своих подразделений, но и как на базе для осуществления своих проектов и программ по отношению к другим государствам постсоветского пространства.

В результате, рассмотрев деятельность немецких НКО и НГО на территории Украинского государства, мы можем сказать, что эта область является одним из самых активных направлений политики ФРГ по отношению к Украине в целом. Действуя на протяжении всего десятилетия, некоммерческие и негосударственные организации, охватывающие почти все сферы деятельности (от политики и экономики до культуры), смогли оформить широкие связи в соответствующих областях. И если зачастую

эти цепочки остаются скрытыми, а факты их существования и функционирования не афишируются, то такие случаи, как работа Фонда Аденауэра с представителями новой украинской власти в 2014 г. [48], напрямую свидетельствуют о том влиянии, которое немецкие НКО и НГО имели уже на момент украинского кризиса. В целом же работа некоммерческих и негосударственных организаций направлена на формирование устойчивого взаимодействия Украины с Германией во всех областях и распространение проевропейских взглядов (в сочетании с «системно-националистическим», т. е. в первую очередь антироссийским, посылом). Но, в отличие от других ранее рассмотренных сфер, эта деятельность проводится на более низком уровне, в том числе на уровне гражданского общества. Вместе с тем если результаты работы ФРГ в политической, экономической и военной областях проявляются ярче и быстрее, нежели итоги деятельности её НКО и НГО, то последняя, в свою очередь, хоть и менее заметна, имеет куда большую значимость, т. к. в силу длительной работы с конкретными людьми и организациями закладывает крепкий фундамент немецкого влияния на Украине, для устранения которого потребуются приложить значительные усилия на протяжении длительного времени.

В итоге мы можем сделать следующие выводы о политике ФРГ по отношению к Украине на протяжении 2010-х. За прошедшее десятилетие немецко-украинское взаимодействие во всех сферах серьёзно активизиро-

валось. Если период 2010–2013 гг. характеризовался медленным, но постепенным наращиванием взаимодействия, то в промежутке 2014–2020 гг. работа в данной области стала развиваться куда более быстрыми темпами. События 2014 г., произошедшие не в последнюю очередь при поддержке Соединённых Штатов Америки [13], стали лишь катализатором уже текущих внутри Украинского государства с начала XXI в. процессов смены политической, экономической и иной аффилиации. Они, конечно, затруднили проводившуюся ЕС в целом и Германией в частности деятельность по медленному включению Украины в свою сферу влияния, но не остановили её. На протяжении второй половины 2010-х ФРГ продолжила проводить свою ранее «прерванную» политику:

- постепенно, не вызывая подозрений у РФ и других акторов, привлекать Украину к различным форматам взаимодействия (оставляя официальное членство в организациях как завершающий, исключительно формальный шаг);

- концентрировать вокруг себя проевропейски настроенных и националистически ориентированных (независимо от конкретных политических взглядов) представителей власти, бизнеса, экспертных сообществ и общественности и обеспечивать их продвижение внутри Украины;

- оказывать косвенную, опосредованную, но всё же поддержку во внешнеполитических вопросах и т. д.

Подобное положение дел, в свою очередь, свойственно не только для политики Германии на Украине, но

и для её деятельности на всём постсоветском пространстве. Так, если мы сравним работу ФРГ в отношении Украины и, например, Белоруссии, то увидим целый ряд общих черт. Во-первых, политический аспект, хоть и разнится по основному инструменту своей реализации (прямое взаимодействие в Белоруссии, сотрудничество через ЕС на Украине), имеет сходный характер. В обоих государствах имеет место умеренная, зачастую не демонстрируемая открыто поддержка со стороны ФРГ в вопросах отношений с Российской Федерацией, в основном в рамках демонстративного отстаивания своей политической, экономической, военной и иной самостоятельности и самодостаточности. Кроме того, происходит консолидация вокруг Германии ориентированных на европейские страны представителей власти и политических сил (налаживание контактов в Белоруссии через главу МИД РБ В. Макея, начало сотрудничества с украинскими партиями «Удар» (напрямую с ХДС) [50] и «Батькивщина» посредством предоставления им статуса наблюдателя в Европейской народной партии [37]).

Во-вторых, в плане экономики происходит постепенное укрепление двусторонних и многосторонних связей – пошаговое привлечение к неинтеграционным и интеграционным форматам, наращивание торговли – при сохранении критической зависимости РБ и Украины от РФ (реэкспорт нефтепродуктов на основе российской нефти и транзит газа соответственно), что фактиче-

ски приводит к установлению европейского (немецкого) экономического доминирования в Белоруссии и на Украине за российский счёт. В-третьих, политика в военной сфере, почти целиком проводимая по линии Организации Североатлантического договора, всё ещё уступает по своим масштабам работе ФРГ по другим направлениям. Вместе с тем в последние годы наблюдается оживление и в этой области (британско-белорусские учения, рост статусного и практического представительства Украины в НАТО).

В-четвёртых, и в Белоруссии, и на Украине самую активную роль играют немецкие НКО и НГО: один лишь Фонд Аденауэра, сыгравший, как мы увидели, немалую роль в украинских событиях 2014 г., также оказывает серьёзное воздействие на политические процессы и в РБ, и на постсоветском пространстве в целом посредством функционирующего благодаря его поддержке формата «Минский диалог». В результате главным различием современного положения немецкой политики в этих двух государствах является то, что в РБ на данный момент реализуется тот сценарий, который был изначально предназначен и для Украины, однако в случае последней Германии пришлось адаптироваться к последствиям украинского кризиса середины 2010-х, самым серьёзным из которых был и продолжает оставаться открытый конфликт Украины с Российской Федерацией.

Следовательно, мы видим, что сама по себе политика ФРГ на укра-

инском направлении выступает как часть общего комплексного подхода, реализуемого ей на постсоветском пространстве. Последний, в свою очередь, как можно убедиться на примере Белоруссии и Украины, нацелен на медленное и мирное (в отличие от подхода США, подразумевающего резкую смену режима) вытеснение российского влияния с территорий, исторически принадлежавших России и входивших в орбиту её интересов, и такое же постепенное по своему характеру завязывание (политическое, экономическое и даже культурное) этих государств на Германию как де-факто лидере современной Европы. При успешном осуществлении этой

политики (признаки чего проявляются на протяжении уже как минимум последних трёх лет) и отсутствии со стороны РФ немедленных, всеобъемлющих и радикальных контрмер, в т. ч. по неприятию среди своих ближайших соседей позиций «стратегического балансирования» и «многовекторности», действующих в качестве прикрытия для налаживания контактов с ФРГ и другими странами, последняя в геополитическом отношении стоит перед угрозой быть отброшенной (в случае направления РБ и Украины) к границам XVI в., что может повлечь за собой потерю позиций на других направлениях и осложнение внутренней обстановки.

Список литературы

1. В Германии заявили об угрозах США из-за «Северного потока-2» // URL: <https://lenta.ru/news/2020/09/21/sevpotok/> (дата обращения: 25.04.2021).
2. В гостях у сказки. Украину и Грузию приняли в штаб-квартиру НАТО // URL: https://www.kommersant.ru/doc/3683768?from=doc_vrez (дата обращения: 14.04.2021).
3. Визит независимости // URL: <https://rg.ru/2015/08/21/berlin.html> (дата обращения: 21.04.2021).
4. Визиты Зеленского в Париж и Берлин прояснили его позицию по России // URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/06/2019/5d08b2269a7947abac12f7e7> (дата обращения: 22.02.2021).
5. Виставка «Кожны дзень. Мистецтво. Солідарність. Спротив» // URL: <https://www.kas.de/en/web/ukraine/veranstaltungen/detail/-/content/kozny-dzen-mistectvo-solidarnist-sprotiv> (дата обращения: 25.04.2021).
6. Германия выступила за сохранение транзита газа в Европу через Украину // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/02/24/859115-germaniya-vistupila-za-sohranenie-tranzita-gaza-v-evropu-cherez-ukrainu> (дата обращения: 17.03.2021).
7. Германия даст Украине 1,5 млн евро на медоборудование для военных // URL: <https://www.euointegration.com.ua/rus/news/2019/10/17/7101958/> (дата обращения: 13.03.2021).

8. Глава МІД України совершит виртуальний візит в Німеччину // URL: <https://iz.ru/990646/2020-03-24/glava-mid-ukrainy-sovershit-virtualnyi-vizit-v-germaniiu> (дата звернення: 25.04.2021).
9. Економіка України: пандемія COVID-19, нова економічна реальність, рекомендації // URL: http://hss.kiev.ua/files/Doslidshennja_HSS_Galasjuk_UA.pdf (дата звернення: 16.04.2021).
10. ЕС признал легитимность Турчинова // URL: <https://www.interfax.ru/world/360725> (дата звернення: 25.04.2021).
11. Закон об интеграції України в Євросоюз і НАТО вступив в силу // URL: https://zn.ua/UKRAINE/zakon-ob-integracii-ukrainy-v-evrosoyuz-i-nato-vstupil-v-silu-309647_.html (дата звернення: 21.04.2021).
12. Зовнішня торгівля України з окремими країнами (тисяч доларів США) за період з 01.01.2020 р. по 31.12.2020 р. // URL: <https://customs.gov.ua/web/content/2486?unique=1320314345ae3a0d631e3853d4a305bce6117031&download=true> (дата звернення: 25.03.2021).
13. «Інтереси РФ і США в отношении України несовместимы друг с другом» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2636177> (дата звернення: 25.04.2021).
14. Ітоги українського візита Ангели Меркель // URL: <https://www.dw.com/ru/итоги-украинского-визита-ангелы-меркель/a-46125111> (дата звернення: 14.04.2021).
15. Німецький політик: ЕС повинен запобігти банкрутству України // URL: <https://www.dw.com/ru/немецкий-политик-ес-должен-предотвратить-банкрутство-украины/a-17451696> (дата звернення: 25.04.2021).
16. Порошенко сказав про «по-доброму» поразившій його Меркель // URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/05/2017/592150d49a794761924b68ad> (дата звернення: 12.04.2021).
17. Президент України Володимир Зеленський провів зустріч з Президентом Грузії Саломе Зурабішвілі // URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/prezident-ukrayini-volodimir-zelenskij-proviv-zustrich-iz-pr-55509> (дата звернення: 25.04.2021).
18. Про засади внутрішньої і зовнішньої політики // URL: <https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2411-17&p=1277114678545471#Text> (дата звернення: 19.03.2021).
19. Рада закріпила в конституції курс на вступлення України в Євросоюз і НАТО // URL: <https://ria.ru/20190207/1550525170.html> (дата звернення: 25.04.2021).
20. Рада провозгласила вступлення в НАТО зовнішньополітичним пріоритетом України // URL: https://lenta.ru/news/2017/06/08/ku_ku/ (дата звернення: 21.03.2021).
21. РФ підтвердила припинення транзиту газу через Україну після 2019 року // URL: <https://ria.ru/20150331/1055722864.html> (дата звернення: 26.03.2021).

22. Совместный визит в Украину министров иностранных дел Германии и Франции // URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0916/c31519-9115656.html> (дата обращения: 15.04.2021).
23. Соглашение «Нафтогаза» и «Газпрома». Главное // URL: https://www.rbc.ru/business/31/12/2019/5e0b30409a7947f5f55c4ee5_ (дата обращения: 22.04.2021).
24. Столтенберг открыл новый офис НАТО в Киеве // URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/10285010.shtml> (дата обращения: 12.04.2021).
25. Украина оценила в \$3 млрд потери в случае прекращения транзита газа в 2020 году // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3985101> (дата обращения: 27.04.2021).
26. Украина реформирует сектор нацбезопасности для будущего членства в ЕС и НАТО // URL: <http://interfax.com.ua/news/political/292423.html> (дата обращения: 23.04.2021).
27. Украина стала страной – аспирантом НАТО // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3569287> (дата обращения: 19.03.2021).
28. Фонд им. Фридриха Эберта вынужден начать процедуру закрытия представительства в Беларуси // URL: <https://www.dw.com/ru/фонд-имфридриха-эберта-вынужден-начать-процедуру-закрытия-представительства-в-беларуси/a-3242474> (дата обращения: 25.04.2021).
29. Янукович ликвидировал комиссию по подготовке Украины к вступлению в НАТО // URL: https://www.gazeta.ru/news/lastnews/2010/04/03/n_1478489.shtml (дата обращения: 29.03.2021).
30. Aktionsplan Ukraine // URL: <https://donezk.diplo.de/blob/1427350/ce7a3e44c3f8115d95e08e999c036cb2/aktionsplan-ukraine-data.pdf> (дата обращения: 27.03.2021).
31. Andrii Zahorodniuk held a meeting with Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Federal Republic of Germany to Ukraine // URL: <https://www.kmu.gov.ua/en/news/andrij-zagorodnyuk-proviv-zustrich-z-nadzvichajnim-i-povnovazhnim-poslom-federativnoyi-respubliky-nimechchina-v-ukrayini> (дата обращения: 15.04.2021).
32. Außenhandel – Rangfolge der Handelspartner im Außenhandel der Bundesrepublik Deutschland // URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Wirtschaft/Aussenhandel/Tabellen/rangfolge-handelspartner.pdf;jsessionid=428F4B9DA9354AB4069C33D67BF4C82D.internet731?__blob=publicationFile (дата обращения: 25.04.2021).
33. Auswärtiges Amt – Aktionsplan Ukraine // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/ukraine-node/-/201848> (дата обращения: 13.04.2021).
34. Deutsch-Ukrainische Industrie- und Handelskammer – ber uns // URL: <https://ukraine.ahk.de/ueber-uns> (дата обращения: 26.03.2021).
35. Deutsch-Ukrainisches Forum e.V. // URL: <http://www.d-u-forum.de/> (дата обращения: 12.04.2021).

36. *Development Co-operation Profiles – Germany* // URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/0079f636-en/index.html?itemId=/content/component/5e331623-en&csp_=b14d4f60505d057b456dd1730d8fce a3&itemIGO=oecd&itemContentType=chapter# (дата обращения: 25.04.2021).
37. *EPP – Parties & Partners* // URL: <https://www.epp.eu/parties-and-partners/> (дата обращения: 28.03.2021).
38. *FES – Büro Ukraine und Belarus* // URL: <https://www.fes.de/standorte/fes-international/ukraine-und-belarus> (дата обращения: 22.03.2021).
39. *FES – Praktikum* // URL: <http://fes.kiev.ua/n/cms/40/?L=1> (дата обращения: 22.03.2021).
40. *Friedrich Naumann-Stiftung – Project Office Ukraine and Belarus* // URL: <https://www.freiheit.org/ukraine-and-belarus> (дата обращения: 28.03.2021).
41. *Friedrich Naumann-Stiftung – Stipendien* // URL: <https://www.freiheit.org/scholarships-friedrich-naumann-foundation-freedom> (дата обращения: 21.03.2021).
42. *Goethe-Institut – Deutsche Sprache* // URL: <https://www.goethe.de/ins/ua/de/spr.html> (дата обращения: 28.03.2021).
43. *Goethe-Institut – Kooperationspartner* // URL: <https://www.goethe.de/ins/ua/de/ueb/koo.html> (дата обращения: 20.03.2021).
44. *Goethe-Institut – Kultur* // URL: <https://www.goethe.de/ins/ua/de/kul.html> (дата обращения: 20.03.2021).
45. *Heinrich-Böll-Stiftung – Büro Kiew – Ukraine* // URL: https://www.boell.de/de/2013/11/18/bueros-zentraleuropa-warschau-prag-kiew?dimension1=division_stift (дата обращения: 20.03.2021).
46. *International Academy for Leadership (IAF) Programme 2021* // URL: <https://www.freiheit.org/sites/default/files/2021-02/for-partners-2021-en-iaf.pdf> (дата обращения: 27.04.2021).
47. *Mission – Operation Atalanta* // URL: <https://eunavfor.eu/mission/> (дата обращения: 28.04.2021).
48. *Mit deutschen Steuergeldern: Adenauer-Stiftung mischt in der Ukraine kräftig mit* // URL: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/2015/05/03/mit-deutschen-steuergeldern-adenauer-stiftung-mischt-in-der-ukraine-kraeftig-mit/> (дата обращения: 19.03.2021).
49. *Partner – Foundation Office Ukraine* // URL: <https://www.kas.de/en/web/ukraine/partner> (дата обращения: 25.03.2021).
50. *«Politik ist wie ein Boxkampf»: Vitali Klitschko beim CDU-Parteitag in Leipzig im Interview* // URL: <https://web.archive.org/web/20121210120234/http://www.lvz-online.de/nachrichten/cdu-parteitag-in-leipzig/politik-ist-wie-ein-boxkampf-vitali-klitschko-beim-cdu-parteitag-in-leipzig-im-exklusiv-interview/r-cdu-parteitag-in-leipzig-a-113528.html> (дата обращения: 27.03.2021).

51. *Rosa Luxemburg-Stiftung – Studienwerk* // URL: <https://www.rosalux.de/stiftung/studienwerk/> (дата обращения: 28.04.2021).
52. *Stipendien & Förderprogramme* // URL: <https://www.kas.de/en/web/begabtenfoerderung-und-kultur/home> (дата обращения: 12.03.2021).
53. *Studieren & Forschen in der Ukraine* // URL: <https://www.daad-ukraine.org/de/studieren-forschen-in-der-ukraine/> (дата обращения: 28.03.2021).
54. *Studieren & Forschen in Deutschland* // URL: <https://www.daad-ukraine.org/de/studieren-forschen-in-deutschland/> (дата обращения: 11.04.2021).
55. *Ukraine adheres to all agreements aimed at establishing peace, but “Minsk” should be implemented according to a clear schedule-President* // URL: <https://www.president.gov.ua/en/news/ukrayina-dotrimuyetsya-vsikh-domovlenostej-spryamovanih-na-vs-66481> (дата обращения: 21.04.2021).
56. *Ukraine Analytica: Crimea* // URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/12961/2021-23.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).
57. *Ukraine and EU: Towards a decarbonisation partnership* // URL: <https://ua.boell.org/en/2020/01/24/ukraine-and-eu-towards-decarbonisation-partnership> (дата обращения: 09.04.2021).
58. *Ukraine: EU report notes continued implementation of the reform agenda though challenges remain* // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2259 (дата обращения: 18.04.2021).
59. *Ukraine: Tymoshenko freed as president denounces ‘coup’ – 22 February as it happened* // URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/feb/22/ukraine-crisis-uncertainty-after-yanukovych-signs-deal-live-updates> (дата обращения: 09.04.2021).
60. *Which Countries are EU Contributors and Beneficiaries?* // URL: <https://www.statista.com/chart/18794/net-contributors-to-eu-budget/> (дата обращения: 18.04.2021).
61. *Youth Lublin Triangle: Study of the potential* // URL: <https://www.kas.de/en/web/ukraine/single-title/-/content/youth-lublin-triangle-study-of-the-potential-1> (дата обращения: 29.03.2021).

VYSHEGORODTSEV Daniil D. – *Master Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)*

E-mail: *hightownhochstadt@mail.ru*

Address: 82 Vernadsky Avenue, p. 1, Moscow, 119571, Russia

Keywords: *Germany, Ukraine, EU, gas transit, RF, NATO.*

GERMANY'S POLICY TOWARDS UKRAINE IN THE 2010S: ANALYSIS OF THE POLITICAL, ECONOMIC, MILITARY SPHERES AND THE WORK OF NGOS AND NCOS

Annotation

This article analyzes the activities of state and non-state actors-representatives of the Federal Republic of Germany on the territory of Ukraine in the field of politics, economy, military cooperation and the activities of German non-state and non-profit organizations in the state in question over the past decade. It was concluded that in the 2010s, despite the qualitative change of German policy towards Ukraine, caused by the 2014 crisis, it continues to be carried out in course of slow, but systematic consolidation of this state as its sphere of influence. Involvement of the Russian Federation in processes of affiliation change in politics, economics etc. in Ukraine and other states of post-Soviet space will result in their de-facto legitimisation and the loss of RF's influence on these territories.

References

1. *In Germany, they announced threats to the United States because of the Nord Stream 2* // URL: <https://lenta.ru/news/2020/09/21/sevpotok/> (accessed: 25.04.2021).
2. *Visiting the fairy tale. Ukraine and Georgia were accepted to the NATO headquarters* // URL: https://www.kommersant.ru/doc/3683768?from=doc_vrez (accessed: 14.04.2021).

3. *Visit of Independence* // URL: <https://rg.ru/2015/08/21/berlin.html> (accessed: 21.04.2021).
4. *Zelensky's visits to Paris and Berlin clarified his position on Russia* // URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/06/2019/5d08b2269a7947abac12f7e7> (accessed: 22.02.2021).
5. *Kozhny zen. Mistetstvo. Solidarnist. Sprotiv Vystavka* // URL: <https://www.kas.de/en/web/ukraine/veranstaltungen/detail/-/content/kozhny-dzen-mistetstvo-solidarnist-sprotiv> (accessed: 25.04.2021).
6. *Germany supported the preservation of gas transit to Europe via Ukraine* // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/02/24/859115-germaniya-vistupila-za-sohranenie-tranzita-gaza-v-evropu-cherez-ukrainu> (accessed: 17.03.2021).
7. *Germany will give Ukraine EUR1.5 million on medical equipment for the military* // URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2019/10/17/7101958/> (accessed: 13.03.2021).
8. *The Minister of foreign Affairs of Ukraine will make a virtual visit in Germany* // URL: <https://iz.ru/990646/2020-03-24/glava-mid-ukrainy-sovershit-virtualnyi-vizit-v-germaniiu> (accessed: 25.04.2021).
9. *Economy Ukraine: the pandemic of COVID-19, Nova economic realist, Rekomendar* // URL: http://hss.kiev.ua/files/Doslidshennja_HSS_Galasjuk_UA.pdf (accessed: 16.04.2021).
10. *The EU recognized the legitimacy of Turchinov* // URL: <https://www.interfax.ru/world/360725> (accessed: 25.04.2021).
11. *The Law on the integration of Ukraine into the European Union and NATO has entered into force* // URL: https://zn.ua/UKRAINE/zakon-ob-integracii-ukrainy-v-evrosoyuz-i-nato-vstupil-v-silu-309647_.html (accessed: 21.04.2021).
12. *Zovnishnya torgivlya Ukrainy z okremimi krainy (tysyach dolariv USA) for the period from 01.01.2020 p. to 31.12.2020 p.* // URL: <https://customs.gov.ua/web/content/2486?unique=1320314345ae3a0d631e3853d4a305bce6117031&download=true> (accessed: 25.03.2021).
13. *"The interests of the Russian Federation and the United States in relation to Ukraine are incompatible with each other"* // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2636177> (accessed: 25.04.2021).
14. *Results of the Ukrainian visit of Angela Merkel* // URL: <https://www.dw.com/ru/итоги-украинского-визита-ангелы-меркель/a-46125111> (accessed: 14.04.2021).
15. *German politician: The EU should prevent the bankruptcy of Ukraine* // URL: <https://www.dw.com/ru/немецкий-политик-ес-должен-предотвратить-банкротство-украины/a-17451696> (accessed: 25.04.2021).
16. *Poroshenko spoke about the "kind" Merkel who struck him* // URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/05/2017/592150d49a794761924b68ad> (accessed: 12.04.2021).

17. *President of Ukraine Vladimir Zelensky held a meeting with President of Georgia Salome Zurbishvili* // URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/prezident-ukrayini-volodimir-zelenskij-proviv-zustrich-iz-pr-55509> (accessed: 25.04.2021).
18. *Pro zasadi vnutrishnoi i zovnishnoi politiki* // URL: <https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2411-17&p=1277114678545471#Text> (accessed: 19.03.2021).
19. *The Rada has fixed in the Constitution the course for Ukraine's accession to the European Union and NATO.* <https://ria.ru/20190207/1550525170.html> (accessed: 25.04.2021).
20. *The Rada has declared Ukraine's entry into NATO a foreign policy priority.* https://lenta.ru/news/2017/06/08/ku_ku/ (accessed: 21.03.2021).
21. *The Russian Federation confirmed the termination of gas transit through Ukraine after 2019* // URL: <https://ria.ru/20150331/1055722864.html> (accessed 26.03.2021).
22. *Joint visit to Ukraine of the Foreign Ministers of Germany and France* // URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0916/c31519-9115656.html> (accessed: 15.04.2021).
23. *Agreement between Naftogaz and Gazprom. Main* // URL: <https://www.rbc.ru/business/31/12/2019/5e0b30409a7947f5f55c4ee5> (accessed: 22.04.2021).
24. *Stoltenberg opened a new NATO office in Kiev* // URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/10285010.shtml> (accessed: 12.04.2021).
25. *Ukraine estimated \$3 billion in losses in the event of the termination of gas transit in 2020* // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3985101> (accessed: 27.04.2021).
26. *Ukraine is reforming the national security sector for future membership in the EU and NATO* // URL: <http://interfax.com.ua/news/political/292423.html> (accessed: 23.04.2021).
27. *Ukraine has become a NATO post-graduate country* // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3569287> (accessed: 19.03.2021).
28. *The Friedrich Ebert Foundation is forced to start the procedure for closing its representative office in Belarus.* <https://www.dw.com/ru/фонд-имфридриха-эберта-вынужден-начать-процедуру-закрытия-представительства-в-беларуси/a-3242474> (accessed: 25.04.2021).
29. *Yanukovich liquidated the commission on Ukraine's preparation for joining NATO* // URL: https://www.gazeta.ru/news/lastnews/2010/04/03/n_1478489.shtml (accessed: 29.03.2021).
30. *Aktionsplan Ukraine* // URL: <https://donezk.diplo.de/blob/1427350/ce7a3e44c3f8115d95e08e999c036cb2/aktionsplan-ukraine-data.pdf> (accessed: 27.03.2021).
31. *Andrii Zahorodniuk held a meeting with Ambassador Extraordinary and Plenary of the Federal Republic of Germany to Ukraine* // URL: <https://www.kmu.gov.ua/en/news/andrij-zagorodnyuk-proviv-zustrich-z->

nadvichajnim-i-povnovazhnim-poslom-federativnoyi-respubliki-nimechchina-v-ukrayini (accessed: 15.04.2021).

32. Außenhandel – Rangfolge der Handelspartner im Außenhandel der Bundesrepublik Deutschland // URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Wirtschaft/Aussenhandel/Tabellen/rangfolge-handelspartner.pdf;jsessionid=428F4B9DA9354AB4069C33D67BF4C82D.internet731?__blob=publicationFile (accessed: 25.04.2021).

33. Auswärtiges Amt – Aktionsplan Ukraine // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/ukraine-node/-/201848> (accessed: 13.04.2021).

34. Deutsch-Ukrainische Industrie- und Handelskammer-Über uns // URL: <https://ukraine.ahk.de/ueber-uns> (accessed: 26.03.2021).

35. Deutsch-Ukrainisches Forum e. V. // URL: <http://www.d-u-forum.de/> (accessed: 12.04.2021).

36. Profiles of development cooperation – Germany // URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/0079f636-en/index.html?itemId=/content/component/5e331623-en&_csp_=b14d4f60505d057b456dd1730d8fce a3&itemIGO=oecd&itemContentType=chapter# (accessed: 25.04.2021).

37. EPP-Parties & Partners // URL: <https://www.epp.eu/parties-and-partners/> (accessed: 28.03.2021).

38. FES-Byro Ukraine and Belarus // URL: <https://www.fes.de/standorte/fes-international/ukraine-und-belarus> (accessed: 22.03.2021).

39. FES-Praktikum // URL: <http://fes.kiev.ua/n/cms/40/?L=1> (accessed 22.03.2021).

40. Friedrich Naumann-Stiftung-Project office in Ukraine and Belarus // URL: <https://www.freiheit.org/ukraine-and-belarus> (accessed: 28.03.2021).

41. Friedrich Naumann-Stiftung-Stipendien // URL: <https://www.freiheit.org/scholarships-friedrich-naumann-foundation-freedom> (accessed: 21.03.2021).

42. Goethe-Institut – Deutsche Sprache // URL: <https://www.goethe.de/ins/ua/de/spr.html> (accessed: 28.03.2021).

43. Goethe-Institut – Kooperationspartner // URL: <https://www.goethe.de/ins/ua/de/ueb/koo.html> (accessed: 20.03.2021).

44. Goethe-Institut kultura // URL: <https://www.goethe.de/ins/ua/de/kul.html> (accessed: 20.03.2021).

45. Heinrich-Belle-Stiftung-Bureau-Kiev-Ukraine // URL: https://www.boell.de/de/2013/11/18/bueros-zentraleuropa-warschau-prag-kiew?dimension1=division_stift (accessed: 20.03.2021).

46. Program of the International Academy of Leadership (IAF) for 2021 // URL: <https://www.freiheit.org/sites/default/files/2021-02/for-partners-2021-en-iaf.pdf> (accessed: 27.04.2021).

47. Atalanta Mission-Operation // URL: <https://eunavfor.eu/mission/> (accessed: 28.04.2021).

48. *Mit deutschen Steuergeldern: Adenauer-Stiftung mischt in der Ukraine kräftig mit* // URL: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/2015/05/03/mit-deutschen-steuergeldern-adenauer-stiftung-mischt-in-der-ukraine-kräftig-mit/> (accessed: 19.03.2021).
49. *Partner-Office of the Foundation Ukraine* // URL: <https://www.kas.de/en/web/ukraine/partner> (accessed: 25.03.2021).
50. *“Politik ist wie ein Boxkampf”: Vitali Klitschko beim CDU-Parteitag in Leipzig im Interview* // URL: <https://web.archive.org/web/20121210120234/http://www.lvz-online.de/nachrichten/cdu-parteitag-in-leipzig/politik-ist-wie-ein-boxkampf-vitali-klitschko-beim-cdu-parteitag-in-leipzig-im-exklusiv-interview/r-cdu-parteitag-in-leipzig-a-113528.html> (accessed: 27.03.2021).
51. *Rosa Luxemburg-Stiftung – Studienwerk* // URL: <https://www.rosalux.de/stiftung/studienwerk/> (accessed: 28.04.2021).
52. *Stipendien & Förderprogramme* // URL: <https://www.kas.de/en/web/begabtenfoerderung-und-kultur/home> (accessed: 12.03.2021).
53. *Studieren & Forschen in Ukraine* // URL: <https://www.daad-ukraine.org/de/studieren-forschen-in-der-ukraine/> (accessed: 28.03.2021).
54. *Studieren & Forschen in Germany* // URL: <https://www.daad-ukraine.org/de/studieren-forschen-in-deutschland/> (accessed: 11.04.2021).
55. *Ukraine adheres to all agreements aimed at establishing peace, but “Minsk” must be implemented in accordance with a clear schedule-President* // URL: <https://www.president.gov.ua/en/news/ukrayina-dotrimuyetsya-vsih-domovlenostej-spryamovanih-na-vs-66481> (accessed: 21.04.2021).
56. *Ukraine Analytica: Crimea* // URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/12961/2021-23.pdf> (accessed: 30.04.2021).
57. *Ukraine and the EU: towards a decarbonisation Partnership* // URL: <https://ua.boell.org/en/2020/01/24/ukraine-and-eu-towards-decarbonisation-partnership> (accessed: 09.04.2021).
58. *Ukraine: the EU report notes the continuation of the implementation of the reform program, despite the remaining problems* // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2259 (accessed: 18.04.2021).
59. *Ukraine: released Tymoshenko as president condemns the “coup d’etat” – February 22, as it happened* // URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/feb/22/ukraine-crisis-uncertainty-after-yanukovich-signs-deal-live-updates> (accessed: 09.04.2021).
60. *Which countries are EU contributors and beneficiaries?* // URL: <https://www.statista.com/chart/18794/net-contributors-to-eu-budget/> (accessed: 18.04.2021).
61. *Youth Lublin triangle: exploring the potential* // URL: <https://www.kas.de/en/web/ukraine/single-title/-/content/youth-lublin-triangle-study-of-the-potential-1> (accessed: 29.03.2021).

Игорь ИВЛЕВ

Дарья ПОКСЕВАТКИНА

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИЯХ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОПЫТ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК В СТОЛИЧНОМ РЕГИОНЕ

Аннотация

Статья посвящена анализу существующих трактовок понятий «легитимность» и «легитимация» в системе властных отношений, научному осмыслению современной практики и моделей легитимации государственной власти. Особое внимание авторы уделяют обоснованию влияния национальных особенностей формирования государственных отношений в России, её политической культуры на формы и модели легитимации власти в российском обществе. Значительное место в статье отводится изучению факторов и технологий легитимации власти в городе Москве с учётом особенностей политических процессов в мегаполисе. Теоретическую базу статьи составили исследования российских и зарубежных учёных в области политологии, истории, социологии. Практическую часть исследования составила совокупность социологических данных, позволяющих судить о значимости персонифицированной и технократической легитимности в современных политических реалиях России.

ИВЛЕВ Игорь Станиславович – бакалавр Государственного университета управления. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99. *E-mail*: kyllr@inbox.ru

ПОКСЕВАТКИНА Дарья Валерьевна – бакалавр Государственного университета управления. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99. *E-mail*: dashaqwer59@gmail.com

Ключевые слова: легитимность, легитимация, политическая система, факторы, делегитимация, кризис легитимности, Москва.

Проблема признания законности и одобрения деятельности государственной власти не теряла своей актуальности на протяжении веков. Это связано с тем, что основным условием дееспособности и функционирования государственной власти в обществе является обеспечение её поддержки большинством населения того или иного государства. В условиях современной демократии возрастает важность для властвующих обеспечения одобрения и поддержки подвластных [4, С. 27].

Именно этим можно объяснить повышенное внимание к проблемам легитимации власти в современной политической, юридической и социологической науке.

Широкую известность категория легитимности получила в XX в. благодаря работам немецкого историка и социолога Макса Вебера. М. Вебер, обращая внимание на важность рассматриваемой проблемы, как известно, выделял три типа легитимности: харизматическую, традиционную и рациональную.

Харизматическая легитимность, с точки зрения учёного, характеризуется личной преданностью субъекту власти (харизматическому лидеру). М. Вебер выделял такие харизматические проявления, как ораторские умения, яркая внешность, религиозность. М. Вебер считал, что харизматический тип легитимности обладает наибольшей легитимирующей силой, признавал, что именно этот тип легитимности несёт в себе «великую революционную силу».

Традиционная легитимность, по М. Веберу, опирается на совокупность

традиций и обычаев и закреплённой в человеке привычке придерживаться этих традиций и обычаев.

Рациональный тип легитимности заключается в доверии граждан к существующему устройству государства, убеждённости в его правильности и законности. Власть при этом реализуется, опираясь на общепринятые правила [13, с. 137].

Стоит упомянуть и другого известного исследователя в этой области – Дэвида Истона. Считая, что разработанная М. Вебером модель не учитывает основания легитимности, в первую очередь характер политического режима, Д. Истон предложил свою классификацию типов легитимности, выделив идеологическую, структурную и персональную легитимность.

Идеологическая легитимность, по мысли Д. Истона, основывается на соответствии власти определённой идеологии, вере народа в безупречность провозглашаемых властью идеологических установок.

В основе же структурной легитимности лежит доверие и приверженность граждан к существующим институтам государственной власти.

Персональная легитимность опирается на веру и одобрение массами деятельности конкретного лидера. При этом если харизматический тип легитимности власти подразумевает фанатичность в отношении подчинения конкретному лидеру, то персональная легитимность берёт за основу заслуженный авторитет лидера.

Несмотря на широкое распространение концепта «легитимность» в различных областях исследова-

ний, на сегодняшний день нет однозначной трактовки данного понятия. Исследователи предлагают широкий набор интерпретаций. В конечном же итоге всё сводится к тому, что легитимность является отражением функционирования и развития государственной власти.

Легитимность – явление динамичное, постоянно меняющееся. И в ситуации, когда происходит падение доверия к власти у широких слоёв населения, наступает кризис легитимности. Кризис легитимности может возникнуть в силу различных причин: неспособность государственной власти в полной мере реализовать возложенные на неё народом властные полномочия, отсутствия адекватных реакций на стремительно возникающие вызовы. Применение незаконного насилия, деградация нравственных и моральных основ общества, разрушение традиций и конституционного строя тоже являются источниками кризиса легитимности власти.

Важно отметить, что легитимность – одна из важнейших целей власти. Способом же достижения этой цели является процесс легитимации.

Легитимация – сложный процесс, обладающий сложной структурой, включающий в себя, как отмечают исследователи Н. А. Омельченко и Ф. М. Гасратова, объекты и субъекты легитимации, средства, методы и ресурсы, необходимые для приобретения властью легитимности [11, С. 37].

Для объяснения процессов, происходящих в сложных политических

системах, политическая наука разрабатывает различные модели функционирования политической системы. Одной из наиболее известных моделей политической системы считается социально-кибернетическая модель Д. Истона, которая рассматривает взаимодействия внутри системы через понятия «ввода» и «вывода». «Вводом» в данной модели определяются исходящие от общества требования и формы одобрения власти, а «выводом» – действия и решения самой власти.

Как справедливо отмечается в исследовании А. Н. Яковлева, в легитимационной модели в соответствии с моделью Д. Истона «вводом» будет выступать общественное одобрение деятельности власти, а «выводом» – обоснование права власти на принятие политических решений.

В качестве базовой модели легитимации можно использовать модель Вебера.

В рациональной модели легитимации власти «вводом» будут выступать оценочные суждения подвластных о решениях политической власти, основанных на установленном порядке. В качестве «вывода» будут выступать политические решения политической власти.

«Вводом» в традиционной модели легитимации будет выступать вера в авторитет власти, основанный на традициях и обычаях, а «выводом» – деятельность власти по поддержанию традиционных форм.

В харизматической модели легитимации власти «вводом» представлена вера в исключительные качества политического лидера, «выво-

дом» же будет служить деятельность, направленная на поддержание своего образа [15, С. 73].

Важно заметить, что реальная политическая жизнь не позволяет базовым моделям легитимации существовать в чистом виде, но их отдельные характеристики составляют существенную часть большинства существующих политических систем.

В зависимости от уровня поддержки населением государственной власти показатели легитимности снижаются или повышаются. Легитимация как процесс наделения и приобретения властью поддержки общества реализуется с помощью различных практик и технологий.

Современные исследователи отмечают, что в постиндустриальном обществе человек перестаёт быть непосредственным субъектом политической системы. Он становится объектом политики и участвует в политической жизни государства изредка, посредством участия в выборах и референдумах [8, С. 83]. В современных условиях отношения между властью и гражданами России выстраиваются по схеме: доминирующая роль власти и безучастная позиция «невмешательства» избирателей, в сознании которых власть предстаёт сакральной и недостижимой. Как справедливо отмечает И. Л. Недяк, процесс легитимации значительно затрудняется в результате усиливающегося политического пессимизма россиян, что во многом связано с «колоссальными тектоническими сдвигами в политической, социальной, экономической, политической,

классовой структурах российского общества, «искусственный» характер политических партий подрывает веру граждан в какое-либо представительство их интересов» [9, С. 40]. Остро стоит проблема политического абсентеизма на выборах, то есть формы аполитичного поведения, которое характеризуется сознательным уклонением от участия в выборах, истинной причиной которого необходимо искать в исторических основах политической культуры российских граждан.

Такое положение имеет свои исторические предпосылки. На протяжении многих веков менталитет русского народа формировался под постоянно нарастающим огосударствлением общества, то есть этатизацией, стремлением государства подчинить общество и личность. Из этого следовали и другие особенности российской политической культуры: авторитарный характер власти, который выделял российскую государственность практически на всём протяжении её истории, бюрократический характер управления, не подразумевающий участия общественных групп и институтов. Не стоит забывать и о патерналистском характере властных отношений, заключавшемся в стремлении «опекать» общество. Также на формирование менталитета русского народа оказывал влияние феномен клиентелизма и слабая степень структурированности общества, заключающиеся в привычке находиться под покровительством государства и отсутствии развитых институтов гражданского общества соответ-

ственно. Даже на сегодняшний день прослеживаются такие исторические тенденции, как сакрализация власти, персонификация политических отношений и приверженность харизматичным лидерам [10, С. 40]. Всё это нашло отражение в пассивности и отсутствии желания россиян участвовать в политической жизни страны, что является следствием, например, низкой политической активности избирателей на выборах в современной России.

Таким образом, разработка легитимационных технологий должна включать различные мероприятия для преодоления политического абсентеизма: повышение уровня политической культуры среди населения посредством распространения основных знаний в области политологии и политическую социализацию граждан.

Важно отметить, что проблема легитимации власти имеет свои характерные особенности в разных регионах России. Например, фактор незаинтересованности части жителей Москвы в политике своего города отчасти связан с притоком населения на постоянное место жительства в столицу [19]. Самоидентификация приезжих с социальной средой Московского региона происходит в течение длительного времени, поэтому участие в политической жизни для них носит второстепенный характер.

Следовательно, сами по себе выборы не гарантируют легитимацию власти, поэтому перед политической элитой стоит задача повторной легитимации в послевыборный период, а особенности политиче-

ской системы России предполагают нисходящий характер легитимации власти. Этот процесс характеризуется тем, что сами субъекты политики оказывают воздействие на население и стремятся заручиться его поддержкой, а граждане выступают как объекты воздействия [11, С. 39].

Исследования показывают, что политическая власть в Москве обладает высоким уровнем поддержки населения. Это прослеживается по статистике результатов выборов. Так, в 2013 году С. С. Собянина поддержал 51% москвичей при явке избирателей 32% [17], а уже в 2018 году, при избрании мэра на третий срок подряд, электоральная поддержка составила 70% при явке 31% [18]. А. В. Скиперских в своей диссертации отмечает, что «технократические механизмы способствуют легитимации, происходящей на основании экономической эффективности. Технократичным будет считаться тот политический актор, который обеспечит населению максимум преимуществ». Исследователь приводит тезисы Ю. Гайды, который видит прямую связь между ростом благосостояния населения и легитимацией правящего режима, т. е. конформизм в отношении института власти достигается при помощи увеличенных доходов населения. А. В. Скиперский называет технократическую репутацию субъекта власти решающей в легитимационном сценарии» [14, С. 128]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что высокий уровень легитимности власти в Москве поддерживается благодаря высокому уров-

ню доходов горожан. В этой связи необходимо отметить статью Г. И. Дергачева, приводящего теории «государственной перегрузки» (Бриттен и Нордхауз) и «узаконивания кризиса» (Ю. Хабермас), в которых падение легитимности политической власти объясняется тем, что правительство и партии, особенно в ходе предвыборной кампании, дают гораздо больше обещаний, чем могут выполнить [3, С. 77]. Как мы видим, на примере города Москвы наблюдаются обратные тенденции: предвыборные обещания, данные мэром, наоборот, удовлетворяются, хотя и не полностью, что крайне заметно для горожан. Именно поэтому, несмотря на высокий протестный потенциал, на выборах в Московскую городскую думу в 2019 году большинство кресел заняли кандидаты, поддерживаемые мэрией. Всё это говорит о растущей легитимности власти в Москве.

Среди факторов, оказывающих влияние на процесс легитимации власти в Москве, можно выделить следующие: персональный имидж мэра Москвы, эффективность, интегративный фактор. Под фактором понимается движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты.

И. Б. Гасанов и М. А. Устюгов определяют персональный имидж как «сформированный у избирателей образ, являющийся результатом восприятия реальных личностных качеств политика, его политической деятельности и намеренно приписываемых политикой СМИ

и политической рекламой качеств и свойств» [2, С. 18]. Рассуждая о факторе персонального имиджа, необходимо обратить внимание на политический контекст во время выборов мэра в Москве. Е. В. Аржаев выделяет такой неофициальный политический институт, как премничество, который может строиться на контрасте и отрицании политического курса предыдущего мэра [1, С. 147]. Именно такая схема прослеживалась в предвыборной кампании С. С. Собянина, так как одной из составляющих формирования его персонального имиджа является сравнение результатов его работы с результатами деятельности предыдущего главы города. Легитимационные практики реализуются под эгидой «Сейчас лучше, чем было раньше». Это прослеживается и в его предвыборных лозунгах: «Москва ещё прекраснее», «Москва ещё чище», «Посмотрите, как изменилась Москва за последние 10 лет» и другие.

Такой фактор, как эффективность, представляет собой совокупность экономических достижений и способность власти оправдать надежды населения. А. В. Скиперских отмечает, что в современной России существует необходимость в технократических умениях, которые выражаются в использовании современных политических технологий, а также во внедрении в повседневную жизнь граждан высокотехнологичных инноваций [13, С. 141]. Огромный в сравнении с другими регионами бюджет Москвы позволяет реализовывать грандиозные

передовые проекты, которые вызывают одобрение большинства москвичей. Например, такие как Программа реновации жилья, благодаря которой москвичи получают новое, отвечающее современным технологиям строительство жильё в обмен на устаревшее. А проект «Московские центральные диаметры» даёт возможность комфортного передвижения по Москве и Московской области на электропоездах нового типа «Ласточка». Возможности бюджета позволяют создавать социальные льготы различным группам населения: студентам, пенсионерам, матерям-одиночкам, ветеранам труда, многодетным и молодым семьям. В настоящее время внедрение высокотехнологичных и дорогостоящих проектов в жизни граждан остаётся одним из эффективных средств политической легитимации.

В процессе легитимации власти в Москве немаловажную роль играет фактор стабильности. В модели Д. Истона обратная связь создаётся только при условии взаимодействия власти и общества, а сама политическая система при этом стремится к динамическому равновесию, то есть к политической стабильности, что очень важно, учитывая высокий протестный потенциал в столице. Таким образом, политика, проводимая действующим мэром и его правительством, создаёт условия неизменности и равновесия показателей жизни граждан (показатели не ухудшаются) и удовлетворяет интересы большего количества москвичей.

Экономические и технологические ресурсы Москвы создают возможности распространения на различные категории населения интегративных проектов, с помощью которых власть охватывает проявления различной активности граждан, направляет её и контролирует.

Например, студенческие парламентские клубы приобщают активную часть молодёжи к политической деятельности. Для людей пожилого возраста реализуется такой проект мэра Москвы, как «Московское долголетие». В рамках этого проекта москвичи преклонного возраста впервые получили возможность достойного времяпрепровождения. Данное обстоятельство косвенно может влиять на формирование позиции граждан относительно существующей власти. Для москвичей преимущественно среднего возраста создан проект «Активный гражданин», благодаря которому они могут принимать участие в управлении делами города и реализовать свою активность.

Одним из наиболее удачных, на наш взгляд, коммуникационно-интегративных проектов в Москве можно признать мониторы, установленные в вагонах метро во время чемпионата мира по футболу 2018 г., ставшие своего рода платформой для передачи информации о городе в виде новостей, опросов, интерактивных игр. В то же время это отличная возможность передавать только те новости, которые выгодны действующей власти.

С. С. Зырянов в своей статье, говоря о «формуле успеха» легитима-

ции на выборах, указывает, что роль президента России в PR-кампании мэра значительно повышает одобрение его кандидатуры избирателями, поскольку рейтинг президента традиционно высок по сравнению с другими политическими институтами [5, С. 38]. Такой легитимационной технологией воспользовался мэр Москвы С. С. Собянин, пригласив на торжественное открытие МЦД президента России В. В. Путина.

Таким образом, создаётся иллюзия вовлечённости всех категорий граждан в процесс управления городом, участия в его жизни, что способствует легитимации власти в Москве.

Подводя итог, нужно отметить, что различные легитимационные модели искажаются реалиями российской политики. Например, происходит разрушение привычной модели Д. Истона: на «входе» представлены не все требования, не от всех социальных слоёв (в основном это люди старшего возраста, которые проявляют социальную и политическую активность по инерции), что искажает процесс обратной связи, необходимый для легитимации власти. Исследователями не ставится под сомнение тезис о том, что особенности легитимации диктуются типом политической культуры. Как уже отмечалось выше, для российской политической культуры характерны такие черты, как этатизм, патернализм, политический абсентеизм и пессимизм, которые обуславливаются историческими условиями форми-

рования российской государственности. Таким образом, особенности политической системы России предполагают нисходящий характер легитимации власти. Данная тенденция сохраняется и на современном этапе развития Российского государства, о чём говорят результаты опроса, проведённого ВЦИОМ в 2014 г. Так, на вопрос о том, кто является носителем суверенитета и источником власти в России, лишь 23% опрошенных источником власти в государстве назвали народ, а 55% опрошенных считали, что таковым является президент [16]. Данные опроса позволяют сделать вывод о том, что незнание конституционных основ государства говорит о политической неграмотности большинства населения, а также о непонимании своей роли в управлении государством. С учётом российского типа политической культуры легитимационные практики в современной России проводятся «сверху» исходя из историко-социальных аспектов российской действительности и с учётом того, что необходима повторная легитимация в послыборный период. Например, особенно широко распространено осуществление легитимации власти на персонифицированном уровне. Усиливается персональная легитимность С. С. Собянина за счёт частого взаимодействия с президентом РФ и публичного одобрения его деятельности [7, С. 100]. Необходимо отметить, что ведущим направлением в осуществлении легитимационных технологий

является технократичность проводимой политики, что продиктовано необходимостью поддерживать устойчивую легитимацию, основанную не только на идеологических, харизматических и патриотических началах. «Передовиком» в этом смысле выступает Москва как самый развитый субъект РФ. Столица имеет возможность реализовывать разнообразные легитимационные практики, которые

охватывают все слои населения по всем возможным сферам жизни общества, а также проводить в жизнь инновационные технологии, улучшая благосостояние москвичей. Таким образом, политическое безразличие нивелируется проектами, привлекающими население, а протестная активность подавляется разнообразием выбора проводимых в Москве проектов мероприятий.

Список литературы

1. Аржаев Е. В. Имидж политических институтов как фактор легитимации власти в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Социология. Политология». 2008. № 1. С. 145–148.
2. Гасанов И. Б., Устюгов М. А. Понятие политического имиджа в социальной психологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 2. С. 16–18.
3. Деркачев Г. И. Сущность и механизмы легитимации власти в современном обществе // Власть. 2010. № 11. С. 75–77.
4. Жилинская В. С. Легитимность государственной власти: теория и реальность // *LEX RUSSICA*. 2016. № 9. С. 27–36.
5. Зырянов С. Г. Новый способ легитимации власти губернаторов в России: особенности и проблемы // Социум и власть. 2014. № 3. С. 35–39.
6. Калининченко А. И. Легитимность и делегитимация власти // Закон и право. 2019. № 1. С. 38–40.
7. Ланцов С. А. Кризисы легитимности в политической истории России // Вестник СПбГУ. 2014. № 1. С. 92–100.
8. Мартыянов В. С. «Человек политический»: модели оправдания власти // Человек. 2009. № 4. С. 82–90.
9. Недяк И. Л. Политический маркетинг. Основы теории. М.: Весь мир, 2008. 352 с.
10. Омельченко Н. А. История государственного управления. 2-е изд. М.: Юрайт, 2013. 575 с.
11. Омельченко Н. А., Гасратова Ф. М. Проблемы легитимации политической власти в современной России: от теории к практике // *Politbook*. 2015. № 4. С. 36–51.

12. *Примова Э. Н.* К вопросу о легитимности власти // *Власть*. 2013. № 8. С. 112–116.
13. *Скиперских А. В.* Легитимация власти в теоретических построениях российского и зарубежного политологического дискурса // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика»*. 2007. № 8. С. 136–144.
14. *Скиперских А. В.* Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве: Автореф. дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Воронеж, 2007. 379 с.
15. *Яковлев А. Н.* Легитимация политической власти: модели традиционные и инновационные // *Власть*. 2011. № 6. С. 72–76.
16. *Власть в России: по конституции и по жизни* // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=650> (дата обращения: 15.05.2021).
17. Сводная таблица результатов выборов // URL: http://www.moscow-city.vybory.izbirkom.ru/region/region/moscow_city?action=show&root=1&tvd=27720001368293&vrn=27720001368289®ion=77&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=27720001368293&type=222 (дата обращения: 15.05.2021).
18. Сводная таблица результатов выборов // URL: http://www.moscow-city.vybory.izbirkom.ru/region/region/moscow_city?action=show&root=1&tvd=27720002197406&vrn=27720002197402®ion=77&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=27720002197406&type=222 (дата обращения: 15.05.2021).
19. Статистика по России // URL: <https://russia.duck.consulting/regions/77> (дата обращения: 15.05.2021).

IVLEV Igor S. – *Master of the State University of Management*

Address: 99 Ryazansky Ave., b. 2, Moscow, 109542, Russian Federation

E-mail: *Kylrr@inbox.ru*

POKSEVATKINA Daria V. – *Master of the State University of Management*

Address: 99 Ryazansky Ave., b. 2, Moscow, 109542, Russian Federation

E-mail: *dashaqwer59@gmail.com*

Key words: *legitimacy, legitimation, political system, factors, delegitimization, crisis of legitimacy, Moscow.*

TO THE QUESTION OF POWER LEGITIMATION TECHNOLOGIES IN MODERN RUSSIA: EXPERIENCE OF ANALYSIS OF POLITICAL PRACTICES IN THE CAPITAL REGION

The article is devoted to the analysis of existing interpretations of the “legitimacy” and “legitimation” concepts in the system of power relations, scientific understanding of modern practice and models of legitimation of state power. The authors pay special attention to the substantiation of the influence of the national characteristics of the formation of state relations in Russia, its political culture on the forms and models of the legitimation of power in Russian society. A significant place in the article is devoted to the study of the factors and technologies of legitimizing power in the city of Moscow, taking into account the peculiarities of political processes in the city-metropolis. The theoretical basis of the article is the research of Russian and foreign scientists in the field of political science, history, sociology. The practical part of the study was a set of sociological data that make it possible to judge the importance of personified and technocratic legitimacy in the modern political realities of Russia.

References

1. *Arzhaev E. V.* Political institute Image as a Factor for Authority Legitimation in Modern Russia // *Saratov University News. New Series. Sociology. Political science.* 2008. No. 1. Pp.145–148.
2. *Hasanov I. B, Ustyugov M. A.* The concept of political image in social psychology // *Psycho-pedagogy in law enforcement.* 2008. No. 2. Pp. 16–18.
3. *Derkachev G. I.* The essence and mechanisms of legitimation of power in modern society // *Power.* 2010. No.11. Pp. 75–77.
4. *Zhilinskaya V. S.* The legitimacy of state power: theory and reality // *LEX RUSSICA.* 2016. No. 9. Pp. 27–36.
5. *Zyryanov S. G.* A new way of legitimizing the power of governors in Russia: features and problems // *Society and Power.* 2014. No. 3. Pp. 35–39.
6. *Kalinichenko A. I.* Legitimacy and Delegitimization of Power // *Zakon i pravo.* 2019. No. 1. Pp. 38–40.
7. *Lantsov S. A.* Legitimacy crises in Russian political history // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* 2014. No. 1. Pp. 92–100.
8. *Martyanov V. S.* “Political man”: models of justifying power // *Man.* 2009. No. 4. Pp. 82–90.
9. *Nedyak I. L.* Political marketing. Fundamentals of theory. M.: Ves` Mir, 2008. 352 p.
10. *Omelchenko N. A.* History of public administration. 2 ed. M.: Yurayt, 2003. 575 p.
11. *Omelchenko N. A., Gasratova F. M.* Problems of legitimizing political power in modern Russia: from theory to practice // *Politbook.* 2015. No. 4. Pp. 36–51.
12. *Primova E. N.* On the issue of the legitimacy of power // *Power.* 2013. No. 8. Pp. 112–116.
13. *Skiperskikh A. V.* Legitimation of power in the theoretical constructions of Russian and foreign political science discourse // *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika.* 2007. No. 8. Pp. 136–144.
14. *Skiperskikh A. V.* Mexanizmy' legitimacii politicheskoy vlasti na postsovetском prostranstve: Dis. ... dokt. polit. nauk. Voronezh, 2007. 379 p.
15. *Yakovlev A. N.* Legitimation of Political Power: Traditional and Innovative Models // *Power.* 2011. No. 6. Pp. 72–76.
16. Power in Russia: according to the constitution and in life // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=650> (accessed: 15.05.2021).
17. Summary table of election results // URL: http://www.moscow_city.vybory.izbirkom.ru/region/region/moscow_city?action=show&root=1&tv_d=27720001368293&vrn=27720001368289®ion=77&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vivid=27720001368293&type=222 (accessed: 15.05.2021).

18. Summary table of election results // URL: http://www.moscow_city.vybory.izbirkom.ru/region/region/moscow_city?action=show&root=1&tv_d=27720002197406&vrn=27720002197402®ion=77&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=27720002197406&type=222 (accessed: 15.05.2021).

19. Statistics for Russia // URL: <https://russia.duck.consulting/regions/77> (accessed: 15.05.2021).

ЭКОНОМИКА

УДК 339.923

DOI: 10.12345/2311-6412_2021_2_88

Юрий БАЖЕНОВ

Ирина ДОНЦОВА

Алёна АКимова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЫГОДА СТРАН ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

Аннотация

Есть смысл анализировать проект «Один пояс – один путь» с точки зрения экономических выгод и преимуществ, который он способен дать странам, присоединяющимся к нему. По данным Министерства торговли Китая, прямые инвестиции из Китая в страны, участвующие в проекте «Один пояс – один путь», резко выросли с 200 млн долл. в 2003 году до 14,53 млрд долл. в 2016 году. После объявления о создании «Один пояс – один путь» были заключены контракты на сумму более 126,03 млрд долл. Этот грандиозный и амбициозный проект оказывает значительное влияние на страны, через которые он проходит.

БАЖЕНОВ Юрий Михайлович – кандидат географических наук, доцент кафедры международных отношений и геополитики транспорта Российского университета транспорта. Адрес: Российская Федерация, 127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9. *E-mail:* eldorado3@mail.ru

ДОНЦОВА Ирина Александровна – магистр кафедры международных отношений и геополитики транспорта Российского университета транспорта. *E-mail:* chernova512@mail.ru

АКИМОВА Алёна Олеговна – ассистент кафедры международных отношений и геополитики транспорта Российского университета транспорта. *E-mail:* alena_akimova_1994@mail.ru

Ключевые слова: проект «Один пояс – один путь», регион, экономическая политика, транспортный коридор, министерства.

Китайская инициатива по морскому Шёлковому пути и проект «Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП)», известные под общим названием «Один пояс – один путь» (ОПОП), являются современными проектами развития, влекущими за собой формирование обширной инфраструктуры. Проект вызвал бурную дискуссию о его потенциале трансформировать глобальный геополитический ландшафт.

Проекты привлекли значительное внимание аналитиков, китайских и других бизнесменов, потенциальных стран-участниц, таких как Индонезия, Пакистан и Шри-Ланка, вне-региональных и региональных великих держав, таких как США, Россия, Индия и Япония.

По официальным данным, в проекте «Один пояс – один путь» задействовано более 65 стран мира. Проект покрывает 30% мирового экономического потенциала, 55% мирового ВВП, около 70% населения мира и объединяет около 75% мировых энергетических ресурсов [1, С. 64–70].

Многие страны начали размышлять над экономическими последствиями внедрения ЭПШП для экономики Китая, провинций, городов, многонациональных и транснациональных корпораций, геополитического порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Центральной Азии, Южной Азии, глобальной структуры власти и модели инвестиций, торговли и обмена на региональном и глобальном уровнях [2, С. 30–34].

Есть смысл анализировать проект «Один пояс – один путь» с точки

зрения экономических выгод и преимуществ, который он способен дать странам, присоединяющимся к нему.

Инициативный проект «Один пояс – один путь» колоссален, он строит шесть обширных экономических коридоров через Евразию:

- Китай – Монголия – Россия;
- Новый евразийский сухопутный мост;
- Китай – Центральная и Западная Азия;
- Китай – полуостров Индокитай;
- Китай – Пакистан;
- Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма.

В совокупности эти коридоры создадут сложную сеть из 56 европейских и азиатских стран, работающих бок о бок друг с другом, генерируя миллиарды долларов инвестиционного капитала, доход, а также создание возможностей для трудоустройства в Азии и большей части Европы и Африки.

Эти коридоры будут состоять из сетей железных дорог, сухопутных дорог, водных путей, трубопроводов и информационных магистралей, которые соединят промышленные и энергетические кластеры и будут содержать как наземный, так и морской компоненты.

ОПОП также состоит из двух уровней – международного и внутреннего, связанных соответственно с инфраструктурными проектами, осуществляемыми с соседними странами, и проектами, осуществляемыми во внутренних регионах Китая.

В проекте будут принимать участие: Китай, Монголия, Бруней, Кам-

боджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Тимор-Лешти, Вьетнам, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Бахрейн, Египет, Иран, Ирак, Израиль, Иордания, Кувейт, Ливан, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Палестина, Сирия, Объединенные Арабские Эмираты, Йемен, Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивы, Непал, Пакистан, Шри-Ланка, Албания, Армения, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чешская Республика, Эстония, Грузия, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Черногория, Польша, Румыния, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Турция и Украина [3].

Проекты ОПОП в основном реализуются и будут реализовываться в регионах, которые страдают от нехватки финансирования инвестиций в инфраструктуру. По данным Азиатского банка развития (АБР), быстрорастущим регионам Азии (например, Юго-Восточной Азии) в текущем десятилетии потребуется около 8,22 трлн долл. инвестиций в инфраструктуру. ОПОП частично решит этот дефицит финансирования и, таким образом, принесёт пользу регионам, которые больше всего нуждаются в финансировании.

Хотя такие усилия не являются беспрецедентными, другим, предыдущим проектам транспортных и экономических коридоров между Европой и Азией, таким как транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия (ТРАСЕКА) или Программа Центральноазиатского региональ-

ного экономического сотрудничества (ЦАРЭС), не приписывается такой же потенциал, как у BRI, что возможно объяснить плохой координацией этих проектов.

Ещё одна сильная сторона ОПОП, отличающая его от предыдущих проектов, – это поддерживающая его институциональная структура. В неё входят:

- новый Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ);
- Фонд Шелкового пути (SRF);
- Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), к которому недавно присоединились Китай, Бразилия, Россия, Индия;
- Новый банк развития Китая и Южной Африки (БРИКС);
- банк Шанхайской организации сотрудничества.

АБИИ финансируется преимущественно Китаем, но с помощью региональных и нерегиональных заинтересованных сторон. Положительным аспектом АБИИ по сравнению с другими, более авторитетными международными финансовыми организациями, такими как АБР и Всемирный банк, является его готовность финансировать инфраструктурные проекты, для которых странам с низкими доходами обычно трудно получить финансирование от других мировых финансовых учреждений.

Кроме того, АБИИ также позволит частному сектору участвовать в своих проектах с целью минимизации государственного долга государственных заемщиков.

Ожидается, что внедрение ОПОП окажет благоприятное влияние на

дальнейшее развитие торговых и инвестиционных отношений между постсоветскими странами и Китаем, состояние которых в последние годы подвергалось краткосрочным колебаниям. Исходя из возникающей тенденции перспективными видами услуг в рамках сопряжения ЭПШП и ЕАЭС являются транспортные.

За последние семь лет экономическое сотрудничество Китая со странами проекта дало замечательные результаты. С одной стороны, значительно увеличился двусторонний товарооборот между Китаем и странами – участниками «Пояса». В мае 2017 года в Пекине прошел международный саммит «Один пояс – один путь», в котором приняли участие главы 30 государств и правительств, а также 1200 делегаций из разных стран Азии, Европы, Северной Америки, Латинской Америки и Африки. Стороны обсудили реальные пути продвижения проекта «Один пояс – один путь» и поделились взаимными выгодами от международного сотрудничества и его укрепления. Саммит помог подписать контракты на реализацию 76 крупных проектов, основанных на инвестициях, инфраструктуре, политической коммуникации, безбарьерной торговле, финансовой интеграции и обеспечении связи между людьми.

По данным Министерства торговли Китая, прямые инвестиции из Китая в страны, участвующие в проекте «Один пояс – один путь», резко выросли с 200 млн долл. в 2003 году до 14,53 млрд долл. в 2016 году. После объявления о создании проекта «Один пояс –

один путь» были заключены контракты на сумму более 126,03 млрд долл. [4]. Этот грандиозный и амбициозный проект оказывает значительное влияние на страны, через которые проходит.

Согласно данным Министерства торговли Китая, с 2013 по 2019 г. общий объем торговли товарами между Китаем и странами – участниками ОПОП превысил 7,8 трлн долл. В 2019 г. рост двусторонней торговли между Китаем и странами ОПОП достиг 10,8%, опережая совокупный рост торговли Китая на 7,4 процентных пункта [5]. Что касается субрегионов, рост двусторонней торговли между Китаем и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) достиг наивысшего годового прироста – 14,1%, опережая рост двусторонней торговли с двумя другими важными торговыми партнерами – Соединёнными Штатами и Европейским союзом [6].

С другой стороны, взаимосвязь объектов, представленная шестью экономическими коридорами в рамках ОПОП, была значительно усилена. Улучшение региональной связанности шести экономических коридоров в рамках инициативы, включая Новый евразийский наземный мостовой экономический коридор (*NELBEC*), экономический коридор Китай – Центральная Азия – Западная Азия (*CCWAEC*), экономический коридор Китай – Монголия – Россия (*CMREC*), экономический коридор Китай – полуостров Индокитай (*SICPEC*), экономический коридор Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма (*BCIMES*) и экономический коридор Китай –

Пакистан (*СРЕС*), облегчило торговые потоки по коридорам.

Ярким примером успешного взаимодействия стран в проекте является то, что успешное движение контейнерных поездов Наньнин (Китай) – Ханой (Вьетнам) через границу значительно стимулировало торговые потоки по коридору *СІСРЕС* [8].

Китаю уже удалось наладить сухопутные связи из Юго-Восточного Китая в Юго-Восточную Азию, которые были намечены целью Азиатского банка развития и других для создания наземных соединений. Произошло это благодаря созданию экономического коридора инициативы ОПОП.

Другой коридор соединяет Китай с Куньмином во Вьетнаме, Лаос и Мьянму. Экономика Центральной Азии намного меньше Китая. Благодаря инициативе ОПОП Китай станет основным поставщиком промышленных товаров в Среднюю Азию, а также основным потребителем сельскохозяйственной продукции и ресурсов Центральной Азии. Некоторые геополитические территории станут экономически более жизнеспособными после надлежащей реализации стратегии ОПОП.

В настоящее время для многих стран, расположенных на древнем Шёлковом пути, особенно Центральной Азии, не имеющей выхода к морю, историческая торговая система «Один пояс – один путь» представляется единственной альтернативой для достижения процветания и развития.

Глядя на политическую карту мира, можно подумать, что Центральная Азия находится в её центре

и имеет ряд преимуществ и недостатков. Соединение одной части мира с другой и роль транзитного коридора для экспорта и импорта товаров являются приоритетом при размещении Центральной Азии между Востоком и Западом. Центральная Азия – это место, через которое проходит древний Шёлковый путь. На самом деле Западом для большинства китайских ученых и политиков была Центральная Азия, а не современный европейский Запад. Со времён династии Хань Центральная Азия была стратегическим местом, и китайцы всегда старались поддерживать мирные отношения с главами центральноазиатских стран [7, С. 1–16].

Китайский проект «Один пояс – один путь» напрямую связал свою инициативу с наследием древнего Шёлкового пути и представил её как проект, основанный на равенстве и взаимной выгоде, взаимной открытости и обмене знаниями, культурой и традициями каждого из участников. Но цель инициативы «Один пояс – один путь» – это не только обмен товарами, услугами и идеями на равных условиях. Речь идет о создании новых рынков и маршрутов для китайских товаров в Азии, отчасти из-за падения спроса на них в Европе и США. Влияние Пекина в регионе стремительно растёт день ото дня. Китай стремится к активному экономическому взаимодействию со странами Центральной Азии, а также показывает готовность вкладывать внушительные суммы денег в реализацию проектов, которые жизненно необходимы странам Центральной Азии. Важным фактором в политике Пеки-

на в отношении Центральной Азии стало закрепление необходимости развития западных регионов страны в повестке дня внутренней политики Китая, поскольку региональная динамика Китая всё ещё демонстрирует значительные диспропорции. Западные районы Китая больше связаны с Центральной Азией. Почти треть общего объёма торговли Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая сегодня идёт в Среднюю Азию.

Кроме того, важную роль в обеспечении экономического проникновения Китая в Центральную Азию играют кредиты. Речь идёт о финансировании проектов под относительно низкую процентную ставку, но условием таких кредитов является использование китайских материалов, оборудования или рабочей силы для

выполнения работы. Также практикуется передача доли в бизнесе, применение соглашений о разделе продукции. Эти практики позволяют максимально использовать производственные ресурсы Китая, а передача доли в бизнесе ведёт к постепенному расширению секторов экономического присутствия в экономиках стран Центральной Азии, в свою очередь, страны Центральной Азии также за счёт сотрудничества с Китаем активизируют свою экономику. Инвестиции критически важны для государств Центральной Азии, чтобы преодолеть географическую изоляцию и удалённость от морей, что значительно увеличивает их транспортные расходы и является ограничивающим фактором в торговле.

Особенностью экономического взаимодействия стран Центральной Азии с Китаем в рамках проекта «Один пояс – один путь» в последние годы является приведение внутренних программ экономического развития этих государств в соответствие с интересами и стратегией Пекина. Это сделано для максимального использования возможностей по привлечению финансовых ресурсов Китая. Финансовая составляющая проекта основана на средствах Фонда Шёлкового пути в размере 50 млрд долл. и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций в размере свыше 100 млрд долл. В целом Китай готов вложить в «Один пояс – один

путь» до 1 трлн долл. На данный момент около 70 млрд долл., не считая ранее вложенных в Центрально-Азиатский регион инвестиций, вложено в проекты, которые будут вписаны в Шёлковый путь.

Итак, Китай открыл себя для Евразии с помощью инфраструктурного проекта «Один пояс – один путь» и пошёл на этот риск, чтобы обезопасить своё место, изменить экономическую динамику Азии в свою пользу, улучшить социально-экономические условия своих западных регионов, сдержать другие державы в распространении влияния на его «заднем дворе» и привязать к своей сфере влияния целый ряд богатых

ресурсами стран, которые могут гарантировать необходимые ресурсы для развития экономики Китая на десятилетия вперед.

Таким образом, инициатива Китая «Один пояс – один путь» – одна из самых амбициозных внешнеэкономических политик президента Си. Она направлена на укрепление экономического лидерства Пекина

посредством обширной программы создания инфраструктуры во всех соседних с Китаем регионах. Проект является прагматичным и связан не с тем, чтобы Китай оглянулся назад, заново пережил старую «китайскую мечту», а скорее с тем, чтобы смотреть вперед и создавать условия для трансформации развивающейся азиатской системы.

Список литературы

1. *Guo T, Li Q.* “Xin Sichou Zhi Lu” De Maoyi Jingrong Zhanlue Yiyi // Renmin Luntan Xue Shu Qian Yan. 2015. № 4. Pp. 64–70.
2. *Liu W.* «Yi Dai Yi Lu» Zhanlue de Renshi Wuqu // Guojia Xingzheng Xueyuan Xuebao. 2016. № 1. Pp. 30–34.
3. *Lu H., Rohr C., Hafner M., Knack A.* China Belt and Road Initiative // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2625.html (дата обращения: 08.05.2021).
4. Официальный сайт Министерства торговли Китая. Statistics // URL: <http://english.mofcom.gov.cn/statistic/charts.html> (дата обращения: 08.05.2021).
5. Торговля Китая со странами BRI выросла до 1,34 триллиона долларов в 2019 году // The Economic Times. 15 января 2020 года // URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/business/chinas-trade-with-bricountries-surges-to-1-34-trillion-in2019/articleshow/73271222.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=sppst (дата обращения: 08.05.2021).
6. China’s Foreign Trade with Belt & Road Countries Robust in 2019. Business Reporting Desk. Available online // URL: <https://www.beltandroad.news/2020/01/15/chinas-foreign-trade-with-belt-road-countriesrobust-in-2019/> (дата обращения: 08.05.2021).
7. *Hou J., Chen S.* De Xiao Measuring the Benefits of the “One Belt, One Road” Initiative for Manufacturing Industries in China // Sustainability. 2018. № 10. Pp. 1–16.
8. The Advancement of Construction of the Six Economic Corridors. 26 April 2019 // URL: http://www.cssn.cn/jjx/jjx_zt/jjx_zt_ydyl2019/jjx_zt_ydyl2019_gtzghzxd/201904/t20190426_4870885.shtml (дата обращения: 08.05.2021).

BAZHENOV Yuriy. M. – *Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Geopolitics of Transport of Russian University of Transport/*

Address: 9 Obraztsova str., p. 9, Moscow, 127994, Russian Federation.

E-mail: eldorado3@mail.ru

DONTSOVA Irina A. – *master of International Relations and Transport Geopolitics Department Russian University of Transport*

E-mail: chernova512@mail.ru

AKIMOVA Aleona O. – *assistant of the Department of International Relations and Transport Geopolitics Russian University of Transport*

E-mail: alena_akimova_1994@mail.ru

Keywords: Belt & Road project, region, economic policy, transport corridor, ministries.

ECONOMIC BENEFITS OF THE “ONE BELT, ONE WAY” PROJECT COUNTRIES

Abstract

It is worth analysing the “One Belt – One Road” project in terms of economic benefits and advantages provided to the member countries. According to the Chinese Ministry of Commerce, direct investment from China to countries participating in Belt and Road Initiative has surged from \$200 million in 2003 to \$14.53 billion in 2016. Since the establishment of One Belt, One Road, contracts have been concluded for over \$126.03 billion. This mighty ambitious project has a significant impact on the countries concerned.

References

1. Guo T, Li Q. *The Significance of the New Silk Road from the Economic, Trade, Financial and Strategic Perspectives* // *Renmin Luntan Xue Shu Qian Yan*. 2015. No. 4. Pp. 64–70.
2. Liu W. *Misunderstandings of “One Belt One Road” Strategy* // *Journal of China’s National School of Administration*. 2016. No. 1. Pp. 30–34.
3. Lu H., Rohr C., Hafner M., Knack A. *China Belt and Road Initiative* // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2625.html (accessed: 08.05.2021).
4. *Official website of the Ministry of Commerce of China. Statistics* // URL: <http://english.mofcom.gov.cn/statistic/charts.html> (accessed: 08.05.2021).
5. *China’s trade with the BRI countries grew to \$1.34 trillion in 2019. The Economic Times. January 15, 2020* // URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/business/chinas-trade-with-bricountries-surges-to-1-34-trillion-in2019/articleshow/73271222.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 08.05.2021).
6. *China’s Foreign Trade with Belt & Road Countries Robust in 2019. Business Reporting Desk. Available online* // URL: <https://www.beltandroad.news/2020/01/15/chinas-foreign-trade-with-belt-road-countriesrobust-in-2019/> (accessed: 08.05.2021).
7. Hou J., Chen S. *De Xiao Measuring the Benefits of the “One Belt, One Road” Initiative for Manufacturing Industries in China* // *Sustainability*. 2018. No. 10. Pp. 1–16.
8. *The Advancement of Construction of the Six Economic Corridors. 26 April 2019* // URL: http://www.cssn.cn/jjx/jjx_zt/jjx_zt_ydy/2019/jjx_zt_ydy/2019_gtgzhzxd/201904/t20190426_4870885.html (accessed: 08.05.2021).

ИСТОРИЯ

УДК 339.543

DOI: 10.12345/2311-6412_2021_2_97

Владислав АВИМСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Аннотация

Статья демонстрирует историю реформирования таможенных органов в конце XIX – начале XX вв., на примере таможен Сибири Российской империи, с указанием применяемых законодательных документов. Рассказывается о создании и упразднении таможен в Западной и Восточной Сибири, на обширной территории данного региона России, о торговле с соседними государствами, прежде всего с Китаем. Затрагиваются проблемы и специфика контрабандного перемещения товаров в указанном регионе.

Таможенная политика – это комплекс государственных, экономических и таможенно-правовых мер, направленных в первую очередь на решение фискальных задач по регулированию внешней торговли,

защите экономических интересов страны, путём введения различных таможенных пошлин. Данная роль основывается непосредственно во взаимосвязи с тем, какую политику на международной арене и во внеш-

АВИМСКИЙ Владислав Александрович – старший преподаватель кафедры таможенного дела Западного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: Российская Федерация, 236016, г. Калининград, ул. Артиллерийская, д. 62, к. 402. *E-mail*: avlad1@bk.ru

Ключевые слова: таможня, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, контрабанда, торговля, законодательные документы.

ней торговле проводило руководство Российского государства. Особенно это прослеживается в ходе освоения, либо присоединения новых территорий в состав Российской Империи в XVII – XIX вв. В первую очередь на новых территориях требовалось в срочном порядке обустраивать границы, строить крепости, поселения и таможенные заставы.

Само таможенное дело в Сибири уходит корнями в XVII в., что неразрывно связано с освоением этого богатого края. Таможни, появившиеся в гг. Иркутске, Илимске и других сибирских городах, фактически контролировали всю внешнюю и внутреннюю торговлю Сибири [1].

К XVIII в. значительно расширились границы Российской империи, благодаря освоению новых земель за Уралом, были составлены новые карты границ государства, а слово «Сибирь» с тех пор включало обширную территорию, простиравшуюся от Северного Ледовитого океана до Китая на юге, от Тихого океана до Западной Сибири. К середине XIX в. Вятская и Пермская губернии уже не считались частью Сибири, и в начале XX в. перемены по территориальной принадлежности региона к Сибири продолжались.

Одной из наиболее важных вех в истории развития Сибири, стали реформы сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского, в том числе учреждения для управления Сибирских губерний, Уставы об управлении сибирских народов и киргизов, Положения и правила о земских повинностях, о хлебных

запасах, о вольном переселении казённых крестьян в Сибирь.

Развитие Сибири предполагало свободную торговлю, в 1819 г. М. М. Сперанский, исполняя обязанности генерал-губернатора, написал работу «Предварительные правила о свободе внутренней торговли» для облегчения частной предпринимательской деятельности. В частности, были запрещены все виды ограничений на торговые сделки. Данные правила касались всех слоев сибирского населения, и, как показала практика, были более эффективны, чем во многих губерниях в Европейской части Российской империи.

Ещё в 1807 г. российское правительство приняло манифест, разрешавший купцам торговать с Китаем. Но только в середине XIX в. между Российской Империей и Китаем был подписан двусторонний договор (Пекинский трактат), который позволил китайцам торговать в России, а затем китайцы появились в Верхнеудинском уезде, относившейся к Иркутской губернии [3].

После открытия границы с Китаем таможенная система в Сибири была реформирована. В частности, в 1861 г. выходит Указ «О переводе Кяхтинской таможни в Иркутск», вследствие чего, русские купцы, которые, как правило, перевозили дорогие сорта байхового чая, теперь отправляют чай из Китая морем в черноморские порты. А вот менее дорогие сорта, которые широко употреблялись в России, продолжали везти через Кяхту [2].

Если рассматривать Западную Сибирь середины XIX в., то в это вре-

мя уже осуществляли свою деятельность такие таможи как Петропавловская, Семипалатинская и Омская, граничившие с киргизской степью, вдоль которой располагалась так называемая «Пресногорьковская» таможенная линия и на которой находились таможенные заставы: Николаевская, Пресногорьковская, Усть-Каменогорская, Коряковская. Заставы защищали южные границы России со стороны казахских степей, в частности Петропавловская крепость, которую занимали в основном русско-казахские солдаты, стояла на торговом пути в Среднюю Азию и Индию, и вокруг крепостей в начале XIX в. стали образовываться крупные торговые центры [6]. И эта система «Горькой» и «Иртышской» военных линий, выстроенных царской империей, укреплявшей внешнеполитическое положение в этом регионе, простиралась почти по всей современной российско-казахстанской границе, от Орска до Усть-Каменогорска, практически до Семиреченской области. Причем граница простиралась на всем протяжении 10-верстной, скажем по современному «нейтральной», полосой [7].

В Туркестанском генерал-губернаторстве, всё, что относилось к сбору налогов и таможенной части в 1886 г. было передано в Министерство финансов. В состав Семипалатинского таможенного округа входила Томская губерния, Семипалатинская область и часть Семиреченской области. Таможенная охрана границы возлагалась на вольнонаёмную таможенную стражу, состоящую из объездчиков,

стражников, джигитов, и подчиняющуюся местным таможенным начальникам [2]. В 1899 г. Семипалатинский таможенный округ был упразднён.

Одним из нововведений нового Таможенного Устава, принятого в 1892 г., было единообразие для европейской и азиатской внешней торговли, взыскания за нарушения стали теперь также едиными. Ввиду развития железнодорожного транспорта происходил процесс выравнивания условий торговли в Европейской России и Сибирском регионе. Так, например, в Уставе говорилось, что «в случае привоза иностранных товаров, доставленных через порты Приморской области, Восточной Сибири и Амурской области, Иркутская таможня будет руководствоваться по общим европейской торговле тарифам» [4].

С принятием Закона «Об установлении таможенной охраны в Восточной Сибири», вместо казаков и военных отрядов в Иркутской таможне была создана таможенная охрана, задачей которой было охранять границы и защищать от перемещения товаров через границу «недозволенным путём». Имелись небольшие отличия в форменном обмундировании таможенников Сибири и таможенников, несших службу на европейской границе России, и это было вызвано тем, что таможенная стража в Восточной Сибири комплектовалась из числа как правило вольнонаёмных лиц [4].

В 1899 г. было принято Положение «Об изменении устройства таможенного надзора в Сибири», соглас-

но которому, в городах за Уралом (Челябинске, Тюмени, Красноярске) были учреждены таможи 1-го класса, которым разрешалось оформлять практически все иностранные товары, только кроме тех, которые были запрещены к ввозу [3].

В начале XX в. в ходе таможенного контроля товаров в Сибири наблюдалось ослабление требований, начали предоставляться ряд льгот, но при этом сами таможенные органы усиливались, создавались новые таможенные учреждения, прежде всего для противодействия контрабандному ввозу/вывозу товаров. Не будет преувеличением то утверждение, что в конце XIX – начале XX вв. Российское государство было озабочено состоянием дел в таможенно-торговой сфере в Сибири и на Дальнем Востоке. В этот период Российская Империя издавала различные законы, в первую очередь способствующие борьбе с контрабандным провозом товаров. Однако многие законы не приносили желаемого результата, были малоэффективны, не успевали за быстро меняющейся экономической и политической ситуацией в стране в целом и в регионах в частности.

Например, по реке Амур на Дальнем Востоке товары в большом количестве поступали в Сибирь, минуя таможенные посты, заставы, без уплаты причитающихся налогов, а далее перевозились в европейскую часть России. Государство всячески пыталось с этим бороться, вводя в частности ограничения судостроительства по реке для иностранных судов, однако, иностранцы, а это

были как правило китайские торговцы, стали заключать договоры с русскими купцами об аренде пароходов для доставки грузов вверх по течению реки Амур, тем самым обходя законы и продолжая ввозить товар нелегально [2].

Другим примером может служить неподдающаяся решению проблема, являющаяся главной на тот период для таможенной администрации. Для производителей спирта и продавцов алкоголя в России – это безакцизный ввоз спирта из Манчжурии, поставка которого затем шла в европейскую часть России. Практически беспрепятственное проникновение контрабандного спирта стало возможным из-за большой протяжённости границы с Китаем. Таможенные посты и заставы, которые располагались в нескольких сотнях вёрст, находящихся друг от друга, были неспособны противостоять контрабандистам. К тому же, на самих таможенных постах таможенные стражники не могли противодействовать нелегальной торговле, из-за большого количества перемещавшихся так называемых «проносителей» контрабанды, среди которых часто были женщины и дети [2].

В таможенных уставах 1904 и 1910 гг. были отражены изменения, введённые ещё таможенным уставом 1892 г.: убраны статьи, определяющие многочисленные права и обязанности пограничной стражи, впервые создан раздел по ввозу иностранных товаров по железной дороге, уточнены особенности, связанные с борьбой с контрабандой. В частности,

теперь таможенные органы имели право самостоятельно инициировать обыск и дальнейшее изъятие контрабандных товаров [5].

Благодаря реформе таможни и принятию новых законов, в том числе о борьбе с контрабандой, к 1913 г. количество таможенников и таможенных постов, застав, а также собираемость таможенных сборов в России, увеличились в разы. В этот год таможенные пошлины стали третьим по значимости источником доходов российского бюджета.

Однако после начала Первой мировой войны, таможенное ведомство превратилось в скованный механизм, так как на 75% европейской границы Российской Империи происходили военные действия. Таможенная система страны оказалась разрушенной, деятельность многих таможенных учреждений на время была остановлена, соответственно бездействовал департамент таможенных сборов. Таможенные операции сокращались по всем направлениям, в том числе и на таможенных постах и заставах Сибири, в связи с чем небывалых размеров достиг контрабандный промысел в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Количество задержаний в эти годы по перемещению контрабанды в сибирском регионе деятельности таможен возросло почти в 2,5 раза [3]. Прийти к разрешению данной проблемы не удавалось несколь-

ко лет, и начавшееся крушение монархии, политическая дестабилизация, коренным образом сказались на таможенной системе в целом.

Таким образом, путём завоевания и покорения территорий Сибири особенно в XIX веке Российская империя, к тому моменту имеющая мощную и сильную армию, поднимала свою экономику, имея огромные ресурсы ископаемых богатств и большой экономический потенциал. Важную роль сыграли по наполняемости российского бюджета таможни, путём взимания различных торговых пошлин и налогов. Однако России не удалось подняться до уровня передовых европейских стран, так как началась Первая мировая война, и весь таможенный механизм, который строился несколько десятилетий, рухнул в одночасье.

Становится очевидным, что таможенная политика, как часть экономической политики правительства, отражает уровень социально-экономического развития страны и характер её экономических связей. Специфические особенности социально-экономической истории Сибири в XVII в. обусловили и своеобразие таможенной политики. Изучение этого своеобразия необходимо для познания процесса и закономерностей экономического развития Сибири и для правильного понимания многих сложных явлений общерусской истории.

Список литературы

1. Отвечая вызовам времени // URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_file/2020-10/05/7-2020_Tamozhnya-sait.pdf (дата обращения: 05.12.2020).
2. *Дацышен В. Г.* Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл. 2000. 216 с.
3. Об изменениях организации таможенного надзора в Сибири // URL: <https://www.prlib.ru/item/353952> (дата обращения: 10.12.2020).
4. *Беляева Н. А.* Таможенное дело в Дальневосточной Республике. Владивосток. 2018. 116 с.
5. *Боков К. И.* Становление и развитие таможенного дела и таможенного законодательства России в XIX – начале XX в. Москва. 2013. 176 с.
6. *Морозов М. А.* Петропавловск в дореволюционных литературных источниках. Ленинград. 1991. 119 с.
7. Северо-Казахстанская область, страницы летописи. Алматы. 1993. 393 с.

AVIMSKIY Vladislav A. – Senior Lecturer of the Department of Customs Affairs, Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Address: Kaliningrad, ul. Artillery, d. 62, k. 402, 236016, Russian Federation.

E-mail: avlad1@bk.ru

Keywords: *customs, Western Siberia, Eastern Siberia, smuggling, trade, legislative documents.*

FROM THE HISTORY OF THE CUSTOMS SERVICE IN SIBERIA AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

Annotation

The article demonstrates the history of the reform of customs authorities in the late 19th – early 20th centuries, using the example of Siberian customs in the Russian Empire, indicating the applicable legislative documents. It tells about the creation and abolition of customs in Western and Eastern Siberia, on the vast territory of this region of Russia, trade with a neighbor, primarily with China. The problems and specifics of the contraband movement of goods in the specified region are touched upon.

References

1. Responding to time calls // URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_file/2020-10/05/7-2020_Tamozhnya-sait.pdf (accessed: 05.12.2020).
2. *Datsyshen V. G.* Essays on the history of the Russian-Chinese border in the second half of the XIX-early XX centuries. Kyzyl. 2000. 216 p.
3. On changes in the organization of customs supervision in Siberia // URL: <https://www.prlib.ru/item/353952> (date of request: 10.12.2020).
4. *Belyaeva N. A.* Customs business in the Far Eastern Republic. Vladivostok. 2018. 116 p.
5. *Bokov K. I.* Formation and development of customs affairs and customs legislation of Russia in the XIX-early XX century. 2013. 176 p.
6. *Morozov M. A.* Petropavlovsk in pre-revolutionary literary sources. Leningrad. 1991. 119 p.
7. North-Kazakhstan region, pages of the chronicle. Almaty. 1993. 393 p.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»*

1. Для публикации в журнале принимаются статьи одной из рубрик:

- Политология
- История
- Экономика
- Особое мнение

2. В журнале печатаются статьи, ранее не опубликованные в других изданиях.

3. Все рукописи авторов проходят независимое рецензирование, в соответствии с результатами которого редакционная коллегия решает вопрос об их опубликовании.

4. Объем статей ограничен 14 страницами (включая рисунки, таблицы, список литературы). Авторы должны предъявлять высокие требования к языку рукописи.

5. Статьи принимаются в редакцию в электронном виде.

6. К статьям прикладывается выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Если автор статьи не имеет возможности предоставить заверенную выписку, основное содержание статьи может быть заслушано на научном собрании Института стран СНГ, после чего участники собрания принимают решение о возможности публикации статьи, а председатель собрания формирует для нее соответствующие сопроводительные документы.

7. Подавая статью для публикации, автор заведомо соглашается, что его материалы, в соответствии с требованиями ВАК, будут размещены в открытом доступе в сети Интернет.

8. Гонорары за публикации не выплачиваются.

9. Автору или авторскому коллективу положен один бесплатный экземпляр журнала.

10. Редакция оставляет за собой право вносить изменения в текст статей с целью приведения его в соответствие с нормами русского языка и улучшения восприятия информации читателями. При этом редакция обязуется сохранять изначальный смысл высказываний автора.

* Полные требования к материалам и образец оформления статьи опубликованы на сайте <http://pstmaterik.ru/author-center/>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»

Статьи предоставляются в редакцию в электронном формате MS Word; шрифт – Times New Roman, кегель – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5. Отступы с каждой стороны страницы 2 см.

Перед основным текстом статьи должны быть представлены на русском и английском языках:

- название статьи заглавными буквами;
- сведения об авторе:
 - фамилия, имя, отчество;
 - ученая степень, звание, должность;
 - полное название места работы автора и почтовый адрес (индекс, страна, город, улица, дом); При написании статьи авторским коллективом достаточно указания адреса ответственного автора.
 - адрес электронной почты;
 - ORCID автора.
- аннотация (объем – 3–4 предложения, не более 200 слов);
- ключевые слова (5–8 слов по теме статьи).

Название статьи на русском языке должно соответствовать содержанию статьи. Англоязычное название должно быть грамотно переведено на английский язык, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Текст статьи должен содержать разделы: введение (актуальность), основное содержание работы, заключение. Основной текст может делиться на части, имеющие самостоятельные заголовки. Они выделяются полужирным шрифтом, выравниваются посередине. Точка в конце не ставится.

Таблицы и рисунки должны быть хорошего качества. Таблицы нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Над таблицей указывается ее порядковый номер и название. Выравнивается по центру, выделяется полужирным шрифтом, например, **Таблица 1. Этнический состав Ханты-Мансийского округа на 2020 г.**

Рисунки нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Под рисунком указывается порядковый номер рисунка и его название. Выравнивается по центру, выделяется полужирным шрифтом (например, **Рис. 3. Динамика внешней торговли Казахстана в 2010–2020 гг.**).

Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях, статьи в общественно-политических газетах и журналах, авторефераты, диссертации, материалы конференций должны быть оформлены в виде внутритекстовых ссылок в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы через запятую с пробелом, например, [5, С. 43–49].

Ссылки на источники без авторства, статистические отчеты, архивные

материалы, комментарии автора могут быть приведены в постраничной сноске. Используется шрифт Times New Roman, кегель – 10 пт.

¹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф.1. Оп.1. Д. 194. Л. 15.

² Укрепить консенсус по развитию и создать путь к совместному процветанию // URL: <https://posol-knr-v-rf-rossiia-i-kitaj-sozdadut-put-k-sovmestnomu-prosvetaniuu.html>, дата обращения 20.10.2018.

³ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.

Список литературы является обязательной составной частью статьи. Материалы без библиографического списка к публикации не принимаются. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте. Список литературы составляется по порядку упоминания источников в статье. Если источник имеет DOI, его следует указать в конце библиографического описания. Ссылки на газеты и журналы должны включать название издания, дату выхода, автора, название цитируемого материала, страницу, номер и год выпуска. При наличии Интернет-адреса указывается дата обращения.

Например:

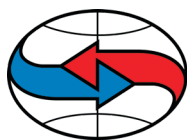
1. *Ефремов М.Е.* К вопросу об экономической стабильности. М.: Эксмо, 2009. 260 с.

2. Содержание и технологии образования взрослых: сб. науч. тр. // Институт образования взрослых / под ред. А.Е. Марона. М.: ИОВ. 2007.

3. *Лэтчфорд Е.* С Белой армией в Сибири. Российская газета. 2018. 9 сентября. С. 34–35 // URL: <http://rg.ru/2018/09/09/east-front-narod-latchford.html>, дата обращения: 19.07.2020.

4. *Вшняков И.В.* Модели и методы оценки коммерческих банков: дис. канд. экон. наук. М., 2002.

Список литературы (References) должен быть грамотно переведен на английский язык. Например, Nechaeva A.M. Stages of development and features of Chinese outbound tourism // Problems of the Far East. 2008. No. 4 (July-August). Pp. 120–132.

The Institute of the CIS countries

SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

POST-SOVIET MAINLAND

№ 2(30)

Moscow

2021

Chairman of the Board of founders - K.F. Zatulín

Publisher - Institute of Diaspora and integration (Institute of CIS countries)

Editorial board:

V.G. Egorov – editor-in – chief, doctor of economics, doctor of history, professor.

S.Ya. Lavrenov - chief editor, doctor of political science, professor.

O.V. Savina - editor.

E.A. Fadeeva - proofreader.

T.S. Karakozova - design layout.

A.V. Manoilo – doctor of political science, professor of the Department of Russian politics at Moscow state University M. V. Lomonosov.

V.V. Stoll – doctor of political science, professor of the department International Relations of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, editor-in-chief of the "Observer " magazine.

A. A. Markarov – doctor of political science, professor of Yerevan state University.

M.V. Konotopov – doctor of economics, professor, deputy. manager Department of Economic Theory, IE RAS honored worker of science of the Russian Federation.

O.D. Kuznetsova – doctor of economics, professor of the Department of economic theory of the Russian University of Economics G.V. Plekhanov.

S.A. Baibakov – doctor of historical sciences, professor at Moscow state University M.V. Lomonosov.

M.A. Olimov – doctor of historical sciences, professor of the Department of foreign regional studies of the Tajik national University.

G. Maitdinova – doctor of historical sciences, professor of the Department of foreign regional studies and foreign policy of the Russian-Tajik (Slavic) University.

M.A. Rakhimov – doctor of historical sciences, professor of the Coordination and methodological center of modern history of Uzbekistan at the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

A.V. Abramov – candidate of political sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Law Moscow State Regional University, editor-in-chief of the Vestnik MGOU magazine.

CONTENT

POLITICAL SCIENCE	4
V. O. KROTKOV. CHINA'S MODERN TRANSPORT POLICY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES	4
V. V. EVSEEV. CSTO AND SECURITY IN THE POST-SOVIET SPACE	13
A. V. GROZIN. TURKEY'S POLICY IN POST-SOVIET ASIA: APPROACHES, INSTITUTIONS, PROSPECTS	25
D.D. VYSHEGORODTSEV. GERMANY'S POLICY TOWARDS UKRAINE IN THE 2010S: ANALYSIS OF THE POLITICAL, ECONOMIC, MILITARY SPHERES AND THE WORK OF NGOS AND NCOS	49
I. S. IVLEV, D. V. POKSEVATKINA. TO THE QUESTION OF POWER LEGITIMATION TECHNOLOGIES IN MODERN RUSSIA: EXPERIENCE OF ANALYSIS OF POLITICAL PRACTICES IN THE CAPITAL REGION	75
ECONOMY	88
YU.M. BAZHENOV, I. A. DONTSOVA, A. O. AKIMOVA. ECONOMIC BENEFITS OF THE "ONE BELT, ONE WAY" PROJECT COUNTRIES	88
HISTORY	97
V. A. AVIMSKIY. FROM THE HISTORY OF THE CUSTOMS SERVICE IN SIBERIA AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES	97
RULES FOR SUBMITTING ARTICLES TO THE MAGAZINE "THE POST-SOVIET MAINLAND"	104
INFORMATION IN ENGLISH	107

«Постсоветский материк» – ежеквартальный общественно-политический научный журнал, учрежденный Автономной некоммерческой организацией «Институт диаспоры и интеграции» («Институт стран СНГ»). Основная задача издания – комплексный анализ процессов на постсоветском пространстве с точки зрения стратегических приоритетов Российской Федерации. В журнале также публикуются материалы о дальнем зарубежье, имеющие прямое или косвенное отношение к постсоветскому пространству. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внутривнутриполитических процессов, экономических, социальных и социокультурных проблем, сравнительного правоведения, межгосударственных отношений, вопросов безопасности и сотрудничества с учетом стратегических приоритетов РФ.

Журнал издается на русском языке и распространяется на территории Российской Федерации и в странах СНГ. Подписной индекс журнала в каталоге Пресса России 40622. Подписку также можно оформить на сайте: <http://www.akc.ru/itm/postsovetskiy-materik>

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Постсоветский материк» обязательна.

По вопросам получения контактных данных авторов, а также для приобретения журнала можно обращаться в редакцию. Журнал отпускается по себестоимости. Цена одного экземпляра составляет 400 рублей.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-55141
выдано 26 августа 2013 года.

Возрастная категория: 0+

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК
Научно-аналитический журнал
№ 2(30), 2021

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3.

Телефоны: 8(499)799-81-62,

e-mail: pstmaterik@mail.ru,

сайт журнала.: www.pstmaterik.ru

Подписано в печать 25.05.2021

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Информационно-издательском управлении МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А,
(495) 780-09-42 (доб. 1740), iiu@mgou.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК